ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 79 (2462) Суббота, 2 октября 1948 г. Цена 40 коп.

В интересах человека

В повести «Молох» А. И. Куприн нарисовал незабываемую картину того, как труд в условиях капитализма уничтожает, пожирает человека. «Давно известно, — писал Куприн, — что работа в рудниках, шахтах, на металлических заводах и на больших фабриках сокращает жизнь рабочего приблизительно на целую четверть. Я не говорю уже о несчастных случаях или непосильном труде... Много ли вы видели на фабрике рабочих старее сорока-сорока пяти лет? Я положительно не встречал. Иными словами, это означает, что рабочий отдает предпринимателю три месяца своей жизни в год, неделю — в месяц...»

Великая Октябрьская социалистическая революция сокрушила власть капитала и уничтожила каторгу труда. Советский рабочий трудится в новых условиях, о которых не мог и мечтать рабочий описанного Куприным металлургического завода. Жизнь и здоровье советского труженика оберегаются советским законодательством, в основе которого лежит новое, коммунистическое отношение к человеку.

У советской власти, — говорил Алексей Максимович Горький, — нет других интересов, кроме интересов трудового народа. Это единственная в мире действительно народная власть, и она действительно стремится создать для трудящихся более легкие условия жизни, создать справедливое, социалистическое государство.

Одним из первых мероприятий молодого советского государства было издание декретов о введении восьмичасового рабочего дня, о создании инспекции труда — декретов, подписанных Владимиром Ильичем Лениным. «На инспекцию труда возлагается наблюдение и контроль за проведением в жизнь декретов, постановлений и т. п. актов Советской власти в области охраны интересов трудящихся, а равно и непосредственное принятие необходимых мер по охране безопасности жизни и здоровья рабочих и работниц». Так говорилось в одном из первых законов молодого советского государства.

Проведение в жизнь сталинского плана индустриализации страны обеспечило коренное изменение условий труда на советских предприятиях. Высокая степень механизации позволила освободить большую массу рабочих от тяжелых физических усилий, создала все предпосылки для уничтожения граней между трудом умственным и физическим. На службу интересам советского труженика встала наука. Обширная сеть научно-исследовательских институтов — 6 институтов охраны труда в системе ВЦСПС и 7 институтов гигиены труда при Министерстве здравоохранения СССР — занимается изучением условий, в которых работает советский человек и разрабатывает мероприятия по гигиене труда и технике безопасности.

Совершенно преобразился облик советского завода. Перестали быть диковинкой огромные, полные воздуха и света цехи новостроек первой пятилетки. Сейчас таких заводов у нас тысячи, и отличительная черта каждого — высокая культура производства. В цехах установлены замечательные вентиляционные установки для очистки воздуха от пыли, калориферы для поддержания постоянной температуры воздуха, чудесные лампы «дневного света».

По почину московских рабочих на лучших предприятиях страны развернулось движение за озеленение внутризаводских площадок, за дальнейший под'ем культуры производственного быта.

Сбываются мечты великого Ленина — о том, что социалистическая электрификация «сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории».

Даже в трудные военные годы партия и правительство увеличивали ассигнования на охрану труда. На заводах, в шахтах, на железных дорогах неуклонно осуществлялись крупные мероприятия по технике безопасности. Все это способствовало резкому снижению производственного травматизма. С 1929 по 1946 год количество несчастных случаев на производстве уменьшилось в четыре раза!

Как не похоже это на положение, в котором находится рабочий класс капиталистических стран — США и Англии. В угольной промышленности Англии ежегодно на каждую 1.000 рабочих падает 229 несчастных случаев. В 1943 году в английской горнорудной промышленности было зарегистрировано 173 тысячи несчастных случаев против 130 тысяч в 1938 году. Еще хуже обстоит дело в США. Число несчастных случаев на производстве во всех отраслях промышленности и транспорта **здесь за год превышает 2 миллиона**, из которых около ста тысяч заканчивается смертью рабочего или тяжелым увечьем.

Не желая облегчить положение рабочего класса, капиталисты и их прихвостни придумали теорию о том, что с ростом техники неминуемо должно расти и число несчастных случаев на производстве. Эта лживая теория полностью разоблачена нашей социалистической действительностью. Именно рост техники, именно оснащение наших предприятий передовой современной техникой позволили нам добиться решающих побед в борьбе с производственным травматизмом. Советское правительство, большевистская партия внимательно следят за тем, чтобы на еще большую высоту была поднята охрана труда человека, чтобы созданы были все условия для плодотворного гигиенического труда и отдыха.

XVIII пленум ВЦСПС отметил, что руководители ряда предприятий угольной промышленности не выполняют коллективных договоров в той части, где говорится об усилении механизации, об улучшении условий труда, а профсоюзные организации не борются за выполнение принятых хозяйственниками обязательств перед рабочими. Внимание хозяйственных руководителей, профсоюзных организаций и общественности должно быть направлено на неукоснительное выполнение коллективных договоров и, в частности, тех пунктов, которые говорят об охране труда.

Советский народ самоотверженно трудится во имя торжества коммунизма. И благородный долг руководителей нашей промышленности и профсоюзов — создать советскому труженику самые благоприятные условия для работы. Нужно помнить, что чисто убранный цех, хорошо оборудованная душевая, культурная столовая, уютное общежитие, во-время поставленный вентилятор глубоко и плодотворно влияют на увеличение производительности труда, на досрочное выполнение пятилетки. Об этом должны всегда помнить командиры нашего производства, не забывая разрешать повседневные вопросы охраны труда и техники безопасности.

А в этом им всегда поможет наша советская общественность.

Советская власть родила новую профессию, немыслимую вне социалистического общества, — технического инспектора профсоюзов по охране труда. Инспектор профсоюза — это человек, призванный выполнять предначертания ленинского декрета об охране труда; человек, являющийся проводником сталинской заботы о людях. В своей работе он опирается на армию добровольных помощников, общественных инспекторов из числа лучших рабочих-стахановцев. В сегодняшнем номере мы публикуем статью Г. Гракова «Новая профессия», описывающую плодотворный опыт работы технического инспектора профсоюза тов. И. Мапигоры.

Инспекторы профсоюзов — это советские общественные деятели, понимающие, что выполнение плана зависит не только от снабжения материалами, от обеспечения механизмами, но и от создания человеку необходимых гигиенических, санитарных, культурных условий труда. И эти советские общественные деятели настойчиво борются за выполнение пятилеток на том участке, который им доверен коммунистической партией и народом. Это люди, которые ни на минуту не забывают, что «у советской власти нет других интересов, кроме интересов трудового народа».

Вот на таких людей, свято помнящих об интересах трудового народа, и следует равняться в борьбе за улучшение условий труда советских людей, в борьбе за их счастье, здоровье и жизнь, в борьбе за досрочное выполнение новой сталинской пятилетки!

К ВЫСТУПЛЕНИЮ МИСТЕРА БЕВИНА

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Лондонский «голос США»

Местопребывание счастья

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

1.

Несколько дней подряд печать сообщала о войне между армией Индии и войсками Хайдарабада.

В 1947 году, когда Индия была разделена на два британских доминиона — Индию и Пакистан, правитель Хайдарабадского княжества отказался войти в Индийский союз. Премьер-министр Индии Неру настаивал на присоединении княжества. Но низам Мир Усман Али Хан — правитель Хайдарабада — упорствовал. Он мечтал все о том же, что длилось веками, — о безраздельном угнетении племен княжества, о выколачивании изнурительной дани. Неуступчивость низама об'яснялась поддержкой, которую оказывали ему английские империалисты. Верные традиционной политике «разделяй и властвуй», они сталкивали лбами Хайдарабад и Индию.

И вот возник «военный конфликт». Ранним утром 13 сентября индийские войска перешли границу Хайдарабада. Пять дней танки, артиллерия, авиация и даже парашютисты усмиряли армию низама, пока он не об'явил о том, что капитулирует.

Подоплека этой «маленькой войны» кроется в том, что британское «социалистическое» правительство Эттли—Бевина озабочено: Хайдарабад — самое крупное в Индии княжество с населением около 17 миллионов человек. Уже давно оно охвачено крестьянским движением, грозящим опрокинуть не только низама, но и распространиться на районы вне княжества. И хозяева Мир Усман Али Хана, разуверившись в его способности придушить народный гнев, совершив темную сделку, возложили теперь эту миссию на премьера Индии...

2.

В апреле прошлого года я с группой товарищей вылетел из Бомбея в княжество Хайдарабад. Советским самолетом управлял Герой Советского Союза летчик Езерский. Апрель стоял индийский. День пылал в «стеклах» самолета.

Если бы под самолетом не пробегали банановые и пальмовые рощи, поля—мелкие и тщательно распаханные — показались бы мне былыми полями среднеазиатских дехкан. Я видел индусский омач, кол для пахоты; омач забыт нами в Таджикистане, где введены многолемешные плуги, идущие за мощным трактором. Самолет словно отнесло далеко в прошлое; пахотный кол тащил горбатый зебу, за омачом шел испепеленный солнцем и голодом индус; он снимает три-четыре урожая в год (не для себя) и умирает от голода.

3.

Внизу Хайдарабад. На аэродроме нет ничего, что напоминало бы старые крепости Индии, прославленные стены Даулутабада (в переводе—«местопребывание счастья»), где спасались индусы от врагов. Аэродром был до чрезвычайности оживлен британскими самолетами, украшен британскими орудиями и танками. И если над аэродромом летал чей-то дух, то был это не дух Будды и не дух Магомета, а скорее всего дух парламентского секретаря по делам Индии...

Восемьдесят лет назад француз Людовик Русселэ в своей книге путешествий отметил: «Англичане управляют страной от имени низама Гейдерабадского». Они и теперь управляли от того же имени; в этом я убедился, когда, выйдя из самолета, увидел глаза английского майора, глядевшего на нас не столько с любопытством, сколько с программной любознательностью.

Хайдарабад расположен неподалеку от древней столицы этого княжества Голконды, славившейся на весь мир своими гранильными мастерскими алмазов. Уилки Коллинз, автор «Лунного камня», имел в виду дивный алмаз Голконды. Коллинз мог бы написать второй столь же занимательный роман о нынешнем хайдарабадском наместнике, потомке многих низамуль-мульков, Мир Усман Али Хане, этом генерал-лейтенанте по должности, влиятельном князе по рождению, человеке, достаточно имущем по состоянию.

Один из его предков любил птиц. Он имел придворную голубятню. «Выдавая замуж» невинную голубку, он украшал ее шейку маленьким ожерельем из драгоценных камней. Играла музыка. Двор низамуль-мулька сиял огнями. У дворца, в грязи, умирал бездомный от дистрофии...

История чуть варьируется, но продолжается, — все та же история.

Херстовская газета «Джорнэл америкэн» в статье «Миллиардер» сообщала, что Мир Усман Али Хан владеет бриллиантами на сумму в два миллиарда долларов и золотыми слитками на сумму в двести шестьдесят миллионов долларов. Чем не принц Голконды!

Один из французских журналов в статье «Самый богатый и самый бедный» сообщает о Мир Усман Али Хане, что этот богатейший в мире человек отличается некоторой скупостью; он имеет одно платье и, отдавая его в стирку, пребывает в своем дворце в райском обличье. Чем не Гарпагон!

Стояла джумма (пятница), праздничный день мусульман. Может быть поэтому мэр города, один день недели посвящающий богу, а не англичанам, не выехал встретить делегацию восьми советских республик. Наш приезд для него не был, так сказать, «джуммой»; на лицах британцев мы тоже не заметили радостного отпечатка «пятницы».

Я нанял шофера; в нем не было ничего от облика жителя Голконды. Он жевал просяную лепешку, носил брюки английского военного покроя и белую чалму. Босыми, загорелыми ступнями шофер ловко управлял педалями старой американской машины, и мы помчались по улице, оставляя за собой густое облако пыли.

Еще на аэродроме я увидел, что в свободном княжестве Хайдарабад вооруженную силу представляли только англичане, гвардия низама — разакары были заняты сугубо внутренними делами: они выкалывали глаза тем, кого считали наименее виновными.

Мы неслись мимо пустых лачуг, покинутых жителями. Замелькали дома индомусульманской архитектуры, иногда меж домами вырастала дикая скала. И снова арабески на стенах, занесенные пылью, снова маленькие базары и кривые улицы.

4.

Я отдыхал под кипарисом у огромного здания Мекке-мечети. Она построена в конце владычества моголов, при шахе Овранбезе. Открытые залы мечети подперты мощными колоннами. В одном из залов — гробницы предков низама. Вокруг надгробий на коленях стояли молящиеся и размеренно кланялись камням.

Ко мне неуверенно подошел горожанин. Он спросил: таджик ли я. В столице низама есть кварталы, заселенные представителями племен, говорящих на иранском языке. Узнав во мне таджика, этот человек отрекомендовался служащим экспедиции городского почтамта; настойчиво, с оттенком мольбы, он просил меня посетить его дом, об'явив, что живет в Индии с начала 1917 года.

Мы вошли в хижину Мухамеджана. Он сам сложил стены из толстых побегов бамбука и сам после сезона дождей смазывает плоскую крышу глиной. На стене висела этажерка с книгами; внизу стоял зеленый сундучок, покрытый обрывком таджикского сюзане, коврика — память о родине.

Я сказал Мухамеджану, что на-днях я повесил на стене Индо-советского общества в Бомбее большой сюзане, вытканный старыми ходжентскими мастерицами.

— О, боже мой, ведь я тоже ходжентец! Теперь вы можете догадаться обо всем остальном! * Я был помощником штейгера на разработке бурых углей под Ходжентом и кое-что раз'яснял рабочим; в меня стрелял жандарм. Рану перевязали шахтеры, и ночью я ушел в Ура-Тюбе, откуда, подлечившись, отправился за Памир. Я миновал Афганистан, был грузчиком в Дели, строителем деревенских мостов под Джопуром и, наконец, стал почтальоном здесь, в Хайдарабаде.

Он помолчал и с дрожью в голосе спросил:

— Каков же сегодня мой Ходжент?

— Ходжент обновился; нет в нем старых домишек, где выкармливали тутовых червей, нет базара, где в грязи тонули ослы; на месте старого Ходжента вырос новый город — Ленинабад, а на берегу Сыр-Дарьи — парк культуры.

— Ай, моя родина! Должно быть, я и не узнал бы ее!..

— Скорее всего не узнали бы. Высокие дома Ленинабада окружены не пустошью, а большими промышленными комбинатами. Ходжент знал только базарных певцов, а теперь Ленинабад — рассадник поэзии. Здесь живет наш выдающийся романист, таджик Толис. Другой ленинабадский прозаик Рахим Джамиль — автор романа «Гульра» о молодой таджичке, участвовавшей в создании на нашей земле советской власти.

— Свои писатели в Ходженте! — воскликнул старик. — Это дороже алмазов дворца хайдарабадского низама!..

— Представьте себе, Мухамеджан, это так. Ленинабадский поэт Али-Заде недавно перевел алмаз горьковского творчества «Девушку и Смерть».

Мой собеседник внезапно изменился в лице:

— Я вам, гость, после что-то скажу. А сейчас я хочу знать, что же вокруг промышленных комбинатов — те же поля, на которых сажали тыквы?

— Нет, Мухамеджан! Там колхозы-миллионеры сеют длинноволокнистый хлопок, и там насаждены урюковые сады; наши ленинабадские абрикосовые консервы славятся в СССР и во всем мире.

Старик наклонился и, открыв зеленый сундучок, вынул «ироки», ковровый мешочек; он извлек из него тканый — на реденьком шелку—портрет Льва Толстого; портрет был тем экономен, что Л. Н. Толстого можно было принять также за Рабиндраната Тагора. Из-под платка старик вытащил еще меньший мешочек, запустил в него пальцы, словно за понюшкой табаку; он завернул щепоть серой пыли в бумажку и заявил, что это земля Ходжента, ладанка родного праха, — с нею Мухамеджан навсегда ушел с родины.

— Земляк, — продолжал Мухамеджан, — я оставил себе немного земли, чтобы ею, когда придет время, посыпали мое тело в Хайдарабаде; прошу, вот это отнесите, как мой привет, в Ленинабад, высыпьте щепотку в парке культуры; пусть Сыр-Дарья, овлажнив эту горстку земли, вдохнет в нее вечную жизнь.

Он взял с этажерки две книги и протянул их мне; стихи Маяковского на русском языке и томик Горького на таджикском языке; в него был заложен листок— перевод «Девушки и Смерти».

— Недавно я ездил по делам почтовой экспедиции в Бомбей. Сестра поэтессы Найду, работающая в Индо-Советском обществе, вручила мне этот листок; я не знал тогда, что эти стихи перевел мой ходжентец. Поклонитесь от меня Али-Заде!

...Он провожал меня к аэродрому 10 или 12 километров; мы шли городом средневековья, гробниц, виселиц, ручных бульбулей (соловьев), шил для выкалывания глаз, лачуг, из которых выбегали нищие, особняков, где жили «советники» — англичане.

Прощаясь, он поднял свои изящные темные руки и воскликнул, просияв белыми зубами:

— Ленинабад!

Закат зажег скалы в отдалении; английские самолеты, танки и орудия багровели, точно облитые свежей кровью.

5.

Прошло полтора года.

Сейчас, я полагаю, мой хайдарабадский собеседник размышляет над словами бывшего парламентского секретаря по делам Индии Батлера, заявившего на-днях: «Считаю, что весьма значительная ответственность за хайдарабадские дела ложится на плечи правительства его величества».

Эта ответственность, мы думаем, существует издавна. Правительство его величества отвечает и за свои танки, действовавшие против хайдарабадцев, и за шила, которыми разакары выкалывают глаза народа.

Батлер, назвавший низама «другом Англии», нежно заботится о его бриллиантах и золотых слитках; недаром его высочество низам, как только народ поднял голову, немедленно попросил прислать нескольких дотошных англичан, которые разобрались бы в положении дел.

Еще до начала военных событий английские офицеры и американские миссионеры вылетели из хайдарабадской столицы. Эти офицеры и миссионеры были не менее осведомлены, чем щедринская пожарная команда, которая, как известно, выезжала на пожар за три часа до его начала. Нет дыма без огня. Нет Мир Усман Али Хана без лорда Батлера.

Британские офицеры покинули Хайдарабад потому, что были хорошо осведомлены о судьбе, уготованной Хайдарабаду...

Войска губернатора Индийского союза вступили в Хайдарабад. Но они пришли не за тем, чтобы положить конец деспотии низама, его министров и феодалов. Жизнь и богатства низама, «старого и преданного друга Англии», как называет этого деспота мистер Батлер, бесспорно, не находятся в опасности. «Преданного друга» оберегают агенты английской разведки. В опасности попрежнему остается свобода хайдарабадского народа.

Я видел хайдарабадцев, говорил с ними, и я уверен, что этот многострадальный люд, в конце концов, найдет свой Даулутабад — местопребывание счастья. И, может быть, это будет скорее, чем кажется многим.

* В 1916 году крестьяне-таджики подняли мятеж против царских чиновников; городок Ходжент был центром восстания.

УРАЛЬЦЫ ЭЛЕКТРИФИЦИРУЮТ КОЛХОЗЫ КАЗАХСТАНА

СВЕРДЛОВСК. (Наш корр.). На-днях из уральского города Камышлова в Кустанайскую область Казахстана отправлено три вагона изоляторов. Их изготовил камышловский изоляторный завод. Уральский гидротурбинный завод отгрузил для Казахстана гидротурбины.

Это ушли с Урала первые партии оборудования, которое свердловцы взялись изготовить для электрификации казахстанских колхозов.

Совет Министров Казахской ССР и Центральный Комитет КП(б) Казахстана обратились к трудящимся Свердловской области — первой области сплошной электрификации — с просьбой помочь казахстанцам электрифицировать сельское хозяйство республики. Обращение нашло горячий отклик на многих предприятиях Свердловской области. Коллективы заводов и фабрик Урала уже в нынешнем году обещали электрифицировать в Казахстане 200 колхозов; будут введены в эксплоатацию 60 гидростанций и 60 тепловых установок.

Над пятнадцатью колхозами Кустанайской области шефствует коллектив Уралмашзавода. Все подготовительные работы по электрификации этих колхозов закончены. Бригада специалистов Уралмаша работает сейчас в Кустанае. Будут построены три кустовые тепловые электростанции мощностью в 700 киловатт.

Сейчас в Казахстане, кроме уралмашевцев, уже находятся представители 36 заводов Свердловской области. Они разрабатывают проекты и сметы колхозных электростанций. А на ведущих заводах Урала идет горячая работа, чтобы обеспечить в срок электрификацию подшефных колхозов. Комплектуются также строительные бригады для от'езда в Казахстан.

Мощная промышленность сталинского Урала осуществляет почетную задачу, помогая электрифицировать сельское хозяйство братской республики.

Славный юбилей

Чествование академика Т. Д. Лысенко

30 сентября в конференц-зале Министерства сельского хозяйства СССР состоялось юбилейное заседание, посвященное пятидесятилетию со дня рождения и двадцатипятилетию научной и общественно-политической деятельности выдающегося советского ученого — президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина академика Т. Д. Лысенко.

В том самом зале, где два месяца назад происходила сессия ВАСХНИЛ и звучали разоблачительные речи ученых-мичуринцев, где были наголову разбиты последователи реакционно-идеалистического лагеря в биологии, — в этом зале деятели передовой сельскохозяйственной науки, руководители и работники сельского хозяйства чествовали главу мичуринской агробиологии. Бурными и долгими аплодисментами встретили собравшиеся юбиляра.

Открывая заседание, министр сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктов отметил крупнейшие заслуги Т. Д. Лысенко в деле развития передовой науки, его горячую заботу о процветании нашего сельского хозяйства.

С докладом о жизни и деятельности Т. Д. Лысенко выступил директор Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева тов. В. Н. Столетов. Характеризуя работу Т. Д. Лысенко, внесшего неоценимый вклад в агробиологическую науку и в народное хозяйство, докладчик подчеркнул, что Т. Д. Лысенко является ярким представителем того советского, качественно нового типа ученого, для которого превыше всего служение науке, народу, Родине. Т. Д. Лысенко — смелый новатор науки, верный и последовательный ученик Мичурина, творчески развивающий советскую агробиологию.

С теплыми поздравлениями и приветствиями юбиляру выступили представители министерств, научно-исследовательских сельскохозяйственных учреждений, опытных станций, колхозов. Украина и Азербайджан прислали на юбилей свои делегации. Юбиляру были преподнесены приветственные адреса и подарки.

Множество поздравительных телеграмм со всех концов страны пришло в адрес юбиляра. Среди них — поздравления Н. С. Хрущева, колхозников села Карловки Полтавской области — родины Трофима Денисовича и многие другие.

Выступая с ответным словом, академик Лысенко сердечно благодарил собравшихся и всех тех, кто отметил его юбилей. Он сказал:

— Наука коллективна, как ни одна другая область человеческой деятельности. Ученый в наше время не может творить один. Он опирается на опыт, на практику миллионов людей. Теснейшая связь науки и практики в делах мичуринцев и привела к тем успехам, о которых сегодня сообщалось в печати и говорилось на этом собрании. Внимание, оказанное мне сегодня, я отношу не к себе лично, а ко всей советской сельскохозяйственной науке. В своей работе я всегда опирался на колхозное крестьянство, на тысячи опытников, агрономов и селекционеров.

С сердечной теплотой произносит Т. Д. Лысенко здравицу великому Сталину и большевистской партии.

— Наш мудрый Сталин, наша родная большевистская партия создали великое, могучее советское государство. Сталин и коммунистическая партия заботятся о развитии и укреплении отечественной науки, вдохновляют нас, советских ученых, на новые творческие научные искания. От всей души благодарю их за это.

Но одной словесной благодарности мало. Нужны дела. Я обещаю нашему народу, нашей партии и впредь повседневно помогать производству, я ставлю своей задачей вместе со всем коллективом ученых и практиков сельского хозяйства добиться увеличения на один грамм веса зерна в одном колосе. А что это значит? Это значит, по крайней мере, вдвое увеличить урожай хлебов!

Я обещаю приложить все силы и уменье, чтобы помочь колхозникам поскорее высадить в степной полосе хоть несколько миллионов гектаров леса.

Думаю, что это возможно, хотя и нелегко. На то и существует наука, чтобы преодолевать трудности. Бояться трудностей не свойственно людям советской науки.

От всей души еще раз благодарю партию и товарища Сталина, которые меня воспитали, колхозников и всех работников сельского хозяйства, трудовые дела которых послужат основой дальнейших успехов советской сельскохозяйственной науки!

Книги татарских писателей на чувашском языке

КАЗАНЬ. (Наш корр.). Произведения лучших писателей Татарии пользуются популярностью в братской Чувашской автономной республике. В последнее время в Чебоксарах изданы на чувашском языке произведения Габдуллы Тукая, Гумара Баширова, Ахмеда Ерикеева, Габдрахмана Абсалямова. Выходят в свет повесть Кави Наджми «Костры на берегу», пьесы Мирсая Амира «Минникамал» и «Песня жизни».

Сейчас на чувашский язык переводится новый роман Гумара Баширова (Разина) «Честь».

ЗАКОНЧИЛСЯ КОНКУРС НА ОДНОАКТНУЮ ПЬЕСУ

Закончился второй всесоюзный конкурс на лучшую одноактную пьесу для театральных коллективов художественной самодеятельности. Конкурс был об'явлен Комитетом по делам искусств при Совете Министров СССР.

Жюри рассмотрело 643 одноактных пьесы. Решено первую премию не присуждать, так как все пьесы, представленные на конкурс, нуждаются в авторской доработке. Вторую премию — 10 тысяч рублей — получил А. Папаян (Ереван) за пьесу «Счастливая семья». Две третьих премии по 5 тысяч рублей присуждены И. Стасенко (гор. Шахты, Ростовской области) — за пьесу «Гражданин страны» и А. Школьник (Харьков) — за пьесу «Родные люди».

Жюри рекомендовало отделу художественной самодеятельности Всесоюзного комитета по делам искусств продолжить работу с авторами восьми пьес, которые могут быть приобретены для самодеятельного театра.

Отметив творческую удачу отдельных драматургов, жюри указало, однако, что общий идейно-художественный уровень пьес, представленных на конкурс, отстает от возросших требований, пред'являемых советским зрителем к современной одноактной драматургии.

Агроном должен быть агрономом!

И. АРАЛИЧЕВ

Недавно побывал я в Сибири, точнее, в Новосибирской области. Осень выдалась здесь тучная. Но рядом с людьми, убирающими хороший урожай, горестным выглядело положение некоторой части сельской интеллигенции, оторванной в силу обстоятельств от большого народного дела. Я говорю об агрономах.

С чувством гордости читаешь известное предисловие академика Вильямса к его книге «Основы земледелия». «Советская агрономия, — говорит великий ученый в этом обращении к своим ученикам,—обязана вооружить тысячи растущих мастеров социалистического земледелия знаниями научной теории, помогающей по заранее намеченному плану достичь определенной высоты урожая».

На этих заветах Вильямса воспитано уже немало наших агрономов.

Воспитан на них и главный агроном Тогучинского районного отдела сельского хозяйства Новосибирской области Аким Иванович Мельниченко. Тогучинский район — один из передовых в области, да и Мельниченко был рекомендован мне в Новосибирске, как один из лучших агрономов, «к голосу которого прислушиваются председатели колхозов».

— Я не только не чувствую себя главным агрономом, но... порой забываю, что я агроном вообще!—отрезает сразу Мельниченко. — Какой у меня может быть агрономический голос, если я не агроном, а канцелярист?.. Шестой день плановую урожайность определяю, шестой день сижу, — голова распухла!..

Голос моего собеседника звучит зло и угрюмо.

— Когда-то давно, когда я кончал омский институт, мечтал я о многих хороших вещах... И вот не понимаю, что происходит: агрономов, видно, твердо решили сделать канцелярскими душами... Посудите сами. В районе 134 колхоза. Возьмем, например, плановую урожайность. Приходится по данным 134 колхозов составлять шесть таблиц: по одной на каждую МТС, одну для колхозов, не обслуживаемых МТС, и сводную — для района в целом. Канительная работа! А в этом году придумали в министерстве доводить урожайность до колхозов двойную — максимум и минимум. Но как планировать этот самый максимум и минимум? Запросил я областное управление сельского хозяйства, оттуда ответ: «Мы сами не понимаем, запросили министерство, а покуда что — планируйте по каждому колхозу среднюю урожайность». Ладно. Сам сел и всех агрономов засадил. Закипела работа — целые полотнища цифр выводим! Послали в Новосибирск. Оттуда извещают: «Надо все переделать, так как у вас по некоторым колхозам средняя урожайность получается на 0,2 центнера ниже минимальной...» А вот если бы я и мои агрономы использовали это время на посещение колхозов,— урожай-то наверняка повысился бы!..

Узнав, что я направляюсь в колхозы района, главный агроном позавидовал:

— Вот счастье-то человеку! А я и не помню уже, когда на полях был...

Напротив Мельниченко, за таким же столом, с такой же грудой бумаг и арифмометром сидит Анна Николаевна Кузнецова.

— Вам, как литератору, — говорит она, — не постыжусь признаться: с усилием дотягиваю часы занятий. Я ведь агроном по севооборотам, должна осуществлять на деле заветы Вильямса... Вы подумайте-ка, сейчас паровспашка, надо бы обязательно побывать на местах, посмотреть, там ли пашут, где нужно. Севообороты у нас в районе плохо прививаются, надо воевать и воевать... А я, видите, чем занимаюсь? Стыдно сказать: уже уборка урожая началась, а я... подсчитываю заключительные итоги посевной кампании! И не вижу впереди даже дня, когда смогу вырваться в поле...

Слушая Кузнецову, вспомнил я многие встречи с агрономами, и не удивительно ли? — ни одна из этих встреч (если иметь в виду агронома районного отдела сельского хозяйства) не случалась в колхозе или на полях — все вот так же, в канцелярии, за бумагами, за сводками. Никогда, правда, не доводилось мне видеть агрономов с арифмометрами, как здесь, в Тогучине, но это, оказывается, инициатива самих тогучинских агрономов.

Всякий раз, когда им нужно заниматься подсчетами и сводками, они собирают арифмометры по всему зданию райисполкома и в первую очередь берут их у райплана. Между тем как раз райплан-то и обязан проделывать навязанную агрономам работу. Ведь это и есть плановая работа...

Но районные руководители, когда им нужны какие-нибудь сведения по сельскому хозяйству, требуют их от агронома, и только от агронома.

Я долго беседовал по душам с секретарем Тогучинского райкома партии Петром Андреевичем Микуровым. Этот человек хорошо знает деревню, а еще лучше—районные учреждения, так как до партийной работы сам много лет проработал в районном советском аппарате.

— Неловко мне говорить даже на эту тему, — заявил Микуров. — На пленум обкома в Новосибирск собираюсь, нужны мне материалы, скажем, по итогам сева... Я кому поручил подготовить их? Разумеется, агрономам!

— Неужели больше некому было поручить?

— По правилу, дело это райплана. Но... райплан у нас укомплектован плохо. Не справятся там с этим делом...

В Ояше, той же Новосибирской области, известен мне один агроном, который, собираясь в поездку по району, прежде всего аккуратно справляется у помощника секретаря райкома партии или у секретаря предрайисполкома: не собираются ли их начальники в область? Потому что, если секретарь райкома или председатель райисполкома готовятся к поездке в Новосибирск, — не видать агроному колхозов, сидеть ему дни и ночи, составляя сведения для от'езжающих...

Не в лучшем положении и участковые агрономы отдела сельского хозяйства. Вот участковый агроном Чемякина. Ее участок — 12 колхозов, не обслуживаемых МТС. Тут, казалось бы, особенно нужен глаз агронома, его направляющая рука. Но Чемякина в своих колхозах почти не бывает, — целыми неделями сидит она в Тогучине, в отделе сельского хозяйства, и занимается подсчетами.

— Овладела арифмометром на отлично! — горько иронизирует эта девушка.

Нет у участкового агронома ни лошади, ни велосипеда. Участковый агроном передвигается по участку с помощью «голосования», а чаще всего с помощью собственных ног.

Довелось нам встречаться и с молодыми, уже после войны окончившими ученье агрономами, попавшими на участок.

— Ничто так не удручает, как отсутствие средств передвижения!.. Как тут проверить правильность вспашки, нормы высева?.. Сижу в селе, ну, обойду дватри колхоза. А у меня их одиннадцать!..

Посидев за арифмометром, агрономы, в особенности молодые, всякими правдами и неправдами уклоняются от работы «по специальности». Не останавливаются даже перед переменой профессии. В Тогучине, у Мельниченко, уже сбежало два агронома, — один из них устроился в Заготзерно, где ему предоставили квартиру.

Почему же районные руководители без колебаний превращают агрономов в письмоводителей? Не потому ли, что, как выразился секретарь райкома партии, люди живут только сегодняшним днем? Клянутся на каждом собрании агротехникой, бьют себя в грудь каждый раз при произнесении этого слова, а на деле все еще стараются «обмануть» землю, то-есть попирают севообороты.

Задумываются ли в Министерстве сельского хозяйства над тем, какую дополнительную канцелярскую работу принесет агроному тот или иной циркуляр? Представляют ли себе авторы бесконечного потока приказов, кто их будет выполнять?

Как я уже сказал, некоторые агрономы, обнаружив, что они оторваны от живого дела, — бегут. В Новосибирске мне показывали человека, который, окончив в этом году институт сельского хозяйства, работает... кассиром театра оперы и балета.

Другие, ломая все преграды, устремляются из канцелярий в жизнь, на простор колхозных полей, на землю.

Заглянем в кабинет председателя колхоза «Гигант», того же Тогучинского района. Здесь за простым столом сидит агроном. Да еще какой! Один из самых известных агрономов в нашей стране — депутат Верховного Совета СССР и член Совета по делам колхозов при правительстве СССР Константин Прокофьевич Шадрин.

Давно, более десяти лет назад, довелось мне впервые услышать об этом человеке, который, занимая высокий пост главного агронома земельного отдела, вдруг решил уйти работать в колхоз. Окончил этот человек сельскохозяйственный институт, тоже мечтал о земле, а очутился в канцелярии. Толчком оказалось для него сообщение о том, что на родном ему Алтае звено колхозника Ефремова вырастило четырехсотпудовый урожай. Эта весть вызвала в Шадрине чувство творческой зависти: не захотел он больше сидеть в канцелярии, жить в городе. Ему возражали, что страна еще не настолько богата людьми, чтобы в каждом колхозе был агроном. Так или иначе, Шадрин добился своего. Вступил в колхоз и нынче вот работает председателем. Наладил он и севообороты, построил одну гидростанцию, начал вторую, всюду стучат топоры, — строится «Гигант» так, как задумано колхозом и его председателем.

И есть уже у самого Шадрина агроном — Константин Николаевич Кузьмин.

Этот второй агроном «Гиганта» в 1947 году повторил то, что сделал когда-то Шадрин, — бросил пост главного агронома районного отдела сельского хозяйства и променял его на должность колхозного агронома.

— Стал членом колхоза и обрел свое счастье! — говорит, улыбаясь, Кузьмин.

У инженеров, работающих в промышленности, есть свои научно-технические общества, есть журналы и бюллетени, в которых публикуются сообщения о всех новинках, усовершенствованиях. У агрономов ничего этого нет.

— Мы не знаем ничего о том, что делают агрономы соседней с нами МТС, не говоря уже о соседнем районе, — говорит Шадрин. — И общество нам нужно! Без массового научного общества разве можно агроному плодотворно работать?..

Обо всем этом я рассказал в Новосибирском областном управлении сельского хозяйства.

— Все это истинная правда! — признал, пожимая плечами, начальник управления Николай Иванович Жуковский.

— Не забывайте, что я тоже агроном, и у меня душа болит. Можно спорить — правилен или неправилен выход, найденный Шадриным и Кузьминым. Нам нужен агроном в земельных органах — направляющая агрономическая рука, учитель и воспитатель колхозных масс. Но и так жить, действительно, трудно. Завалили нас бумагами! Вот, полюбуйтесь, целая гора! Ежедневно получаю из Москвы, из министерства, по 10—15 приказов, по 30—40 писем. Многие ко мне никакого отношения не имеют — циркуляр! Многие заключают в себе ненужную мелочную опеку. А попробуй, не ответь, — замучат запросами! Чего греха таить? И мы, в области, тем же страдаем. Попробовал я завести такой порядок, чтобы всю писанину возложить в районах на одного агронома. Решил пожертвовать одним агрономом, чтобы спасти хоть старшего агронома для агрономической работы. Да вот не знаю, выйдет ли?..

* * *

Подведем же итог этим встречам. Чудесный народ — советские агрономы! Поэты своего дела, энтузиасты и творцы. Они отлично понимают, на какой важный и трудный пост поставлены страной, народом, партией. Однако, справедливо спрашивают они, к лицу ли знаменосцам передовой агрономической науки сидеть в канцеляриях и щелкать на арифмометрах? В состоянии ли агрономы поспевать за жизнью, если они оторваны от земли? Может ли достаточно ценить и уважать их председатель колхоза, если даже районные руководители, не колеблясь, превращают агрономов в простых канцеляристов.

Агроном должен быть агрономом!

В Союзе советских писателей СССР

ПОЕЗДКИ. ВСТРЕЧИ. ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Во многих республиках и областях, на решающих стройках послевоенной пятилетки, в самых отдаленных местах нашей Родины побывали этим летом прозаики, поэты, очеркисты.

Секция очерка и публицистики ССП вместе с редакцией альманаха «Год XXXI» организовали в Центральном доме литераторов вечер, где писатели, вернувшиеся из поездок по Советскому Союзу, рассказали о своих впечатлениях и творческих планах. Большинство произведений, которые написаны на собранном писателями материале, будет опубликовано во второй книжке альманаха.

Вс. Иванов путешествовал по Средней Азии. В Семипалатинске прошли его юношеские годы. Спустя 36 лет в преображенном социалистическом городе писатель увидел большие дела новых советских людей. Вс. Иванов посетил Фергану, Ташкент, Казахстан, проплыл по Иртышу до озера Зайсан, наблюдал строительство Иртышгэс. В результате создана книга очерков «Лето 1948 года».

В одну из окраинных и самых молодых областей Союза — автономную Тувинскую ездил С. Гудзенко. Народ Тувы при братской помощи народов Советского Союза успешно преодолевает вековую отсталость. О победной борьбе нового со старым, о неодолимых ростках социалистической жизни в Туве рассказал поэт собравшимся. Впечатления о поездке послужили С. Гудзенко материалом для очерков и стихов, над которыми он работает.

Решением проблемы ветвистой пшеницы занимаются сейчас академик Т. Д. Лысенко и его сотрудники. Участки посевов этой пшеницы на Украине об'ехал Г. Фиш. Помощь советских людей талантливейшему ученому, крайняя заинтересованность их в разрешении этой проблемы, вдохновенный труд Т. Д. Лысенко явятся темой новой книги писателя.

На Украине — в Киеве, Житомире, Виннице, Тернополе, Одессе, Николаеве, Херсоне провели несколько месяцев В. Дыховичный и М. Слободской. Их интересовало восстановление очагов культуры в разрушенных во время немецкой оккупации городах. Повсюду наблюдали писатели необычайно быстрое строительство уничтоженных немцами театров, музеев, школ, парков, кино. Эти стройки стали поистине всенародными.

На ближайшее время намечен второй вечер. На нем состоятся сообщения о путевых впечатлениях Д. Заславского, Б. Галина, А. Чаковского, А. Аграновского, Л. Кудреватых, Е. Строговой.

ЛЕКЦИИ О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Комиссия детской литературы ССП, Центральный дом литераторов и Дом детской книги организовали цикл лекций, посвященных проблемам детской литературы.

Открывая лекторий, С. Маршак указал на цель лекций — обобщить опыт советской детской литературы, а также теснее связать деятельность всех работников детской книги — писателей, педагогов, библиотекарей.

Состоялась первая лекция И. Халтурина «Белинский и детская литература». «Молодые поколения суть гости настоящего времени и хозяева будущего», — писал В. Г. Белинский. Для этих «хозяев будущего» и работал великий критик, посвятив детским и учебным книгам более 120 рецензий. В. Г. Белинский страстно ненавидел реакционную литературу для детей. Вот что писал он о французских писателях подобного направления: «Бедные дети, сохрани вас бог от оспы, кори и сочинений Беркена, Жанлис и Бульи!..» Он боролся за создание русской литературы для детей; знаменательны в этом смысле его слова: «кто не принадлежит своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству».

Белинский ввел в круг детского чтения произведения Крылова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова и других русских писателей.

В ближайшее время намечены лекции: С. Маршака — «Максим Горький и детская литература», Л. Кассиля — «Маяковский — детям», В. Смирновой — «Образ ребенка в советской детской литературе», К. Чуковского — «Современная англо-американская литература для детей».

Глеб ГРАКОВ
Специальный корреспондент «Литературной газеты»

Новая профессия

1.

На вид Илье Мацигоре едва за тридцать. Из Донбасса в самом начале войны он ушел в армию. Из армии в числе других людей, знающих уголь, был мобилизован на восстановление Подмосковного угольного бассейна. Работал механиком участка, был председателем комиссии по охране труда. На этой работе и получил он вкус к новому роду деятельности.

Поднимая из развалин и восстанавливая вместе с другими свою вторую шахтерскую родину, он полюбил ее и работает здесь с увлечением, свойственным натурам цельным и подлинно творческим, умеющим чувствовать дыхание времени даже в самом заурядном деле. Илье Мацигоре поручено важное государственное дело — забота о рабочем, об условиях его труда. Осуществлению именно этой задачи посвящен труд технического инспектора, человека, обязанного быть днем и ночью на страже интересов трудящегося.

Шахты наши оснащены передовой техникой. Отошли в прошлое времена, когда под землей опасность подстерегала шахтера на каждом шагу. Сейчас шахта — это подземный завод, освещенный электричеством, снабженный совершеннейшими машинами и механизмами. Илье Ивановичу Мацигоре, рабочему-горняку, ныне техническому инспектору ЦК профсоюза дано право контролировать деятельность любого руководителя шахты, предписания его строго обязательны.

Есть у Ильи Мацигоры такое правило: впервые заметив на шахте какие-либо неполадки, он стремится обойтись простой беседой, без обычного в этом случае официального предписания.

— Это уже вроде как бы взыскание... А люди, возможно, и без того все исправят, — говорит он.

Через некоторое время инспектор вновь является на шахту. Чаще всего замечания его учтены, недостатки устранены, советы приняты и выполнены.

Но если... А бывает и «если»...

Бывает и так, что в горячие для шахты дни хозяйственник считает, что с предложениями инспектора можно и обождать.

Вот тогда-то и проявляется в полной мере характер инспектора Ильи Мацигоры.

2.

— Один в поле не воин. Общественность крепко помогает,—говорит Мацигора.

Он с уважением называет своих активных помощников: крепильщика Кислину с шахты № 7, крепильщика Комарова с шахты № 2, машиниста под'емной машины Филатова с шахты № 17 и многих других. Инспектор и его активисты помогают распространению опыта передовых шахт, контролируют осуществление намеченных улучшений. Для беседы, посвященной технике безопасности, к Мацигоре приезжают люди, живущие и работающие на шахтах за 20—25 километров от Щекино. Благодаря неутомимости и дисциплинирующей многих хозяйственников «дотошности» инспектора, — на шахтах «Щекинуголь» происходит как бы непрерывный, повседневный смотр состояния охраны труда и техники безопасности.

Люди, актив — вот прочная опора, которую избрал себе инспектор. У него даже сложилась поговорка: «Условия труда — не погода, их люди создают».

И вместе с людьми он борется за улучшение условий труда под землей, борется против тех, кто способен порой забыть на время о законах, охраняющих труд. Бдительностью Ильи Мацигоры и его актива — профсоюзных общественных инспекторов—предотвращено на шахтах комбината «Тулауголь» немало случаев, грозивших авариями, потерей рабочего времени. Общественные инспекторы нередко звонят Мацигоре прямо из-под земли — с участка, из шахт.

3.

Совет социального страхования совместно с комиссией по охране труда крепко взялись за руководителей одной из шахт, забывших о санитарно-бытовом комбинате. Тов. Мацигора выяснил, что количество больничных листков на этой шахте выросло именно потому, что недостаточным оказалось внимание к профилактике заболеваний. Причина — неблагоустройство санитарно-бытового комбината. И тогда Илья Мацигора поставил вопрос так: пусть пособия по болезни выплачивает за свой счет хозяйственное руководство шахты... А на 58 тысяч рублей, которые были уже оплачены по бюллетеням, пред'явлен шахте иск органами социального страхования.

Самый факт пред'явления такого иска оказал благоприятное воздействие на хозяйственных руководителей других предприятий. На соседней шахте № 8 сразу же спешно отремонтировали и капитально переоборудовали бани, душевые, прачечные, гардеробы для спецодежды и даже отделали бассейн, из которого теперь поступает в бани фильтрованная вода.

— Выходит, испугались?

— А вы как думали? — довольно щурится Мацигора. — Я что решил?.. Рубль стал крепким, веским. Надо рублем контролировать выполнение законов по охране труда!

В борьбе за разумное расходование средств социального страхования Мацигора прибегает также к помощи общественности. Когда врачи Яродская и Шепня — в явном противоречии с существующей инструкцией — выдали больничные листы нескольким руководящим работникам треста для поездки на курорт, Илья Мацигора организовал специальное выступление по этому поводу в печати.

Вопросы социального страхования не входят прямо в круг вопросов работы технического инспектора, и кое-кто из людей, «обиженных» инспектором, попытался даже указать на это:

— Ты же не врач!

— А я вас от болезни лечить и не собираюсь... Я хочу вашу совесть вылечить...

Мацигору в его решительных действиях всегда поддерживает районный комитет партии. Помощью коммунистов района, их советом при всяком начинании Мацигора научился дорожить более всего.

4.

Штаб-квартира треста «Щекинуголь» и самый город Щекино — в получасе езды автомобилем от Ясной Поляны.

Горький оставил воспоминание о том, как Толстой, говоря об ужасной жизни народа, вдруг заплакал.

«—Плачу, — сказал он. — Я — старик, у меня к сердцу подкатывает, когда я вспоминаю что-нибудь ужасное... Вот и вы, — проживете жизнь, а все останется, как было, — тогда и вы заплачете, да еще хуже меня, — «ручьистее», говорят бабы...»

«Проживете жизнь, а все останется как было»... Нет, — все изменилось!

И когда сегодня, находясь в местах, хранящих память о Толстом, видишь, как труд наших людей движет жизнь вперед и вперед, поневоле задумываешься: какой же поистине великой силой наделен советский человек, уничтоживший ужасы прошлого, делающий труд все более радостным и счастливым!

Наблюдая передовых представителей новой профессии в стране — технических инспекторов, можно наглядно увидеть, как советские профсоюзы, опираясь на технический прогресс, через своих представителей осуществляют контроль над условиями труда. Советский рабочий — хозяин жизни. Он борется за то, что бы жизнь и труд становились светлыми, радостными.

ЩЕКИНО.

Накануне с'езда писателей Украины

НА ПРЕЗИДИУМЕ ССПУ

КИЕВ. (Наш корр.). Очередное заседание президиума Союза советских писателей Украины было посвящено вопросам подготовки ко второму с'езду писателей республики.

С докладом о ходе подготовки к с'езду выступил председатель президиума ССПУ А. Корнейчук.

— С серьезными творческими достижениями придут наши писатели к своему с'езду, — говорит А. Корнейчук.—Доля их вдохновенного труда вложена в замечательные героические подвиги всего украинского народа в Великой Отечественной войне и на трудовом фронте. Патриотическая доблесть украинского крестьянства, великолепные достижения рабочего класса и трудовой интеллигенции отображаются в произведениях наших писателей. Советская литература выросла в классовой борьбе с враждебными идеологиями. Лучшие книги советских писателей Украины пользуются заслуженной любовью не только украинского читателя, но и многомиллионного читателя всей нашей Родины.

Битва за урожай в этом году на Украине стала всенародным делом. Писатели Украины не были в стороне. Они приняли живейшее участие в этой борьбе за счастье и силу нашей Родины. Мы горды успехами нашего народа, окрыляющими и вдохновляющими нас, литераторов.

Далее А. Корнейчук говорит о плодотворном влиянии на украинскую советскую литературу великой русской литературы и литератур братских народов Советского Союза. М. Горький, В. Маяковский, Серафимович, Шолохов и многие другие выдающиеся представители русской литературы оказали большое влияние на развитие украинской советской литературы.

А. Корнейчук ставит задачу перед литераторами и критиками, готовясь к с'езду, подводя итоги творческой работы, рассматривать украинскую литературу не изолированно, а во взаимосвязях со всеми литературами советских народов.

Отмечая, как весьма радостное явление, приход в украинскую литературу большой группы талантливой молодежи, А. Корнейчук говорит, что в их произведениях, как и в лучших произведениях писателей старшего поколения, основной темой становится социалистический труд.

— Писатели столицы Украины и писатели периферии,—сообщает докладчик, — начали уже деятельную подготовку к своему с'езду. Они подводят итоги многолетней литературной работы, активно обсуждают важнейшие творческие вопросы.

Украинская «Литературная газета», журналы «Вітчизна», «Дніпро» и другие литературные журналы и альманахи должны на своих страницах широко развернуть творческую дискуссию перед с'ездом, показать черты того нового, что вошло в нашу литературу, подвергнуть критике все, что мешает росту и развитию литературы. А. Корнейчук призывает критиков вести неослабную борьбу с проявлениями буржуазного национализма, космополитизма, низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада. На страницах печати должен зазвучать голос нашего читателя.

После доклада выступили писатели Ю. Смолич, Ю. Дольд, Н. Шамоть и другие, предложившие ряд практических мероприятий по подготовке к с'езду.

Президиум ССПУ принял развернутое решение о подготовке ко второму с'езду писателей Советской Украины. С 1 по 4 ноября в областных отделениях ССПУ будут проведены собрания писателей с отчетными докладами руководителей отделений и состоятся выборы делегатов на с'езд. Писатели западных областей Украины и Закарпатья будут все приглашены на с'езд. В ряде промышленных и сельскохозяйственных центров республики проводятся широкие предс'ездовские конференции читателей.

Началась подготовка к большой выставке украинской советской литературы, которая будет открыта в дни с'езда. Намечается выпуск специального киноочерка «Писатели Советской Украины».

На с'езд будут приглашены гости — писатели всех братских республик Советского Союза.

Д. ЭРДЭ

Академия наук не занимается историей СССР

Перед историком советского общества— необ'ятное поле деятельности.

Однако Сектор истории советского общества, числящийся в системе Института истории Академии наук, является одним из бездеятельных секторов института. Он не только не стал за все годы своего существования научным центром, об'единяющим крупных историков советского периода, но даже не имеет до сих пор настоящего творческого ядра. Этот сектор превратился как бы в проходную комнату института. В нем никто долго не задерживается. Только за последний год количество научных сотрудников сократилось почти втрое. В итоге сектор обезлюдел и захирел.

Он не имеет даже научного руководителя, не имеет перспективного плана работ. Начатые некогда с энтузиазмом коллективные труды (летопись пролетарской революции, история коллективизации, история Узбекистана и другие) брошены, так как их некому завершить.

Комиссия по истории Великой Отечественной войны незаметно прекратила свое существование. Материалы, собранные ее сотрудниками, перевязанные чьей-то равнодушной рукой, в беспорядке свалены в шкафы.

Среди них есть такие бесценные материалы, как записи бесед сотрудников комиссии с героями Сталинградской битвы, Севастополя, материалы о партизанском движении, о работе партийных организаций в подполье.

В секторе полностью прекращены библиографические работы, распущена вспомогательная группа.

Об'яснять все это случайными причинами или неосведомленностью дирекции института и партийного бюро невозможно, так как о положении сектора достаточно говорилось и на совещании заведующих кафедрами истории СССР, и на партийных собраниях. Несомненно, что в институте до сих пор недооценивается значение истории советской эпохи. Эту отрасль исторического знания некоторые товарищи трактуют, как публицистику или текущую политику, но не как науку.

Об'яснить это можно только непониманием политического и теоретического значения выведения новых закономерностей становления и развития советского общества.

Хуже всего то, что ничем не оправданное пренебрежение вопросами истории советского периода характерно не только для Института истории Академии наук. Вопросы эти чрезвычайно слабо разрабатываются и в других научно-исследовательских институтах. У наших историков имеется тенденция удалиться от современности в глубь веков.

Из 160, примерно, статей, напечатанных в 24 номерах журнала «Исторические записки» (начиная с 1937 года по настоящее время), только... шесть посвящены нашей эпохе. Надо добавить, что даже из этих шести статей ни одна не касается периода перехода на мирную работу (1921—1925 гг.) и последующих периодов социалистического строительства. В номерах 3, 5, 7 и 8 журнала «Вопросы истории» вообще нет ни одной статьи по истории советского общества. За весь 1948 год в «Известиях Академии наук» (серия истории и философии) также не было ни одной статьи по истории советского периода.

Полное недоумение вызывает появление «юбилейного сборника», посвященного 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции (издание Академии наук), не только без единой статьи по истории советского периода, но даже без историографической статьи об итогах изучения эпохи Октябрьской революции. В то же время в сборнике нашлось место для таких статей, как «Общественный строй Южного Междуречья в эпоху III династии Ура (2132—2024 гг. до нашей эры)», «Реставрационные работы и связанные с ними открытия памятников искусства» и т. п.

Даже Архивное управление прекратило регулярные публикации документов нашей эпохи. А ведь до войны им проводилась большая работа в этой области. Вспомним, какое значение имели 19 документальных мемуарных сборников, выпущенных в 1933—1943 годах Главным архивным управлением совместно с редакцией «Истории гражданской войны»: «Перекоп», «Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году» и др.

Историки советской эпохи ждут от Архивного управления материалов, которые помогут им перешагнуть за хронологические границы 1917—1921 годов.

Для большинства исторических работ последнего времени характерно стремление уйти не только от вопросов современности, но и от вопросов теории. Чрезмерно упрощенное, сухо догматическое или, напротив, «анекдотическое» изложение событий заменяет анализ и обобщение.

На дискуссии по поводу книги Минца «История СССР» (1917—1925 гг.) правильно было отмечено, что после разгрома пресловутой «школы» Покровского, отрицавшей историческую науку, относившейся с пренебрежением к фактической документальной стороне исторического процесса и заменявшей науку абстрактным социологизированием, часть наших историков впала в другую крайность — боязнь теории и обобщений, уход в голую фактографию. Большинство диссертаций на советские темы, как и книга И. Минца, грешит этим серьезным недостатком.

Совершенно очевидно, что необходим коренной перелом в разработке вопросов истории советского общества.

Нельзя более мириться с тем, что советские историки продолжают топтаться на одном месте, разрабатывают почти исключительно вопросы первого этапа Октябрьской революции, гражданской войны и военного коммунизма и не разрабатывают теоретических вопросов, связанных с социалистическим строительством последних десятилетий.

Возглавить эту серьезнейшую работу должен Сектор истории советского общества Академии наук СССР. Но в нынешнем своем плачевном состоянии он, видимо, на это не способен.

Руководство института должно, наконец, не на словах, а на деле проявить внимание к сектору и вывести его из тупика.

Создание фундаментальных трудов по истории советского общества является первоочередной задачей нашего поколения — поколения участников великого строительства коммунизма. Особую ответственность за создание таких трудов несет Институт истории Академии наук СССР, крупнейшее научно-исследовательское учреждение в стране, разрабатывающее вопросы истории.

И. ОМАРОВ
Секретарь ЦК КП(б) Казахстана

Воспеть героическую действительность

Исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам определили пути развития всей советской литературы, как литературы высоко-идейной, подлинно народной, проникнутой духом партийности, литературы, воспитывающей в советских людях уверенность в победе коммунизма. Эти постановления, доклад товарища А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» и постановление ЦК КП(б) Казахстана «О грубых политических ошибках института языка и литературы Академии наук Казахской ССР» помогли казахским писателям вскрыть существенные недостатки в развитии казахской советской литературы, способствовали повороту творческой деятельности писателей к актуальным темам советской действительности.

Появились первые произведения, свидетельствующие об идейно-творческом под'еме казахской литературы.

Вышла из печати вторая книга романа М. Ауэзова «Абай», правдиво отображающая классовую борьбу в дореволюционном ауле, воссоздающая благородный образ выдающегося просветителя и демократа. С. Муканов закончил роман «Сыр-Дарья». Г. Мустафин — повесть «Миллионер». Эти произведения показывают героический труд колхозного крестьянства во время Отечественной войны и в дни послевоенной пятилетки. Появились рассказы малоизвестных раньше авторов— Имашжанова, Сагимбаева, Тиесова, Есенберлина. Обращает на себя внимание молодой прозаик А. Нурпеисов.

Поэзия обогатилась содержательными, хорошими стихами поэтов Аманжолова, Саина, Сарсенбаева, Молдагалиева.

Писатели улучшили работу по переводу на казахский язык русской классической и советской литературы, произведений писателей братских республик.

Однако казахская литература все еще отстает в своем развитии от передовой советской литературы. Центральный Комитет КП(б) Казахстана проверил, как выполняют казахские писатели исторические постановления ЦК ВКП(б), и принял постановление «О состоянии и дальнейшем развитии казахской советской литературы».

«Многие произведения, — говорится в постановлении, — написанные на современные темы, в идейно-художественном отношении слабы, в них недостаточно и неумело отражены большие преобразования казахского аула, рост экономики и культуры республики за годы советской власти. Бледно показаны самоотверженный труд советских людей, роль партии Ленина—Сталина в превращении Казахстана из отсталой окраины царской России в социалистическую республику».

Писатели пока еще не сумели нарисовать во весь рост героев недавних великих сражений, созидательный труд советских людей в новой сталинской пятилетке. Существенным пробелом в развитии казахской литературы является недостаточное развитие романа, повести — жанров, свидетельствующих о зрелости литературы.

Идейная направленность, целеустремленность является основным качеством советской литературы. Однако некоторые писатели не понимают, что идея только тогда крепка, когда она органически сплетена с художественной тканью произведения. Иногда важнейшие вопросы идейности наши писатели решают упрощенно, примитивно. В произведение механически «вводится» секретарь партийной организации или какой-нибудь герой с русской фамилией, и автор считает, что этим он отобразил руководство партии и историческую роль русского народа. Нередко писатели думают так: чтобы создать хорошее произведение, достаточно изучить ту отрасль хозяйства, которую автор избрал об'ектом для своего произведения, а показать роль партии в руководстве этой отраслью не так уж трудно, имея отмеченные выше «резервы». Глубоко ошибочное и вредное представление! Подойти к правдивому описанию явлений нашей действительности можно, только изучая жизнь и работу партийной организации, изучая терпеливо, глубоко, пытливо. Нужно буквально слиться с жизнью партийной организации.

Не говоря уж о молодых авторах, не свободны от серьезных погрешностей в своем творчестве такие ведущие писатели, как С. Муканов. Балуан-Шолак, герой его одноименной повести,—историческая личность, о нем в народе сохранились интересные сказания. Вполне естественно, что Муканов написал произведение об этом человеке. Но в процессе творчества писателя, видимо, обуяли сомнения: как могла такая сильная и гордая личность не определить своего отношения к существующему строю, к судьбе народа? Вопреки исторической правде, вместо того, чтобы рассказать, как этот наредкость одаренный человек, бунтарь-одиночка, по существу, стал жертвой своей эпохи, автор приводит своего героя к социал-демократии.

Некоторые писатели в своем творчестве отходят от метода социалистического реализма. Особенно резко это сказалось на творчестве А. Тажибаева, корни ошибок которого уходят в буржуазный символизм. Хотя ошибки А. Тажибаева были очевидны, они остались не замеченными нашей критикой до постановления ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров.

В ряде произведений, в частности М. Хакимжановой и Х. Бекхожина, неправильно трактуются истоки героизма казахов на фронтах Отечественной войны. Эти авторы всецело положились на исторические традиции. Видеть источник героизма нашего народа только в исторических традициях — принципиальная политическая ошибка. Разве от недостатка традиций наш народ отказывался воевать в 1916 году? Героизм всех советских людей, в том числе и казахов, берет начало в великих идеях нашей партии, сцементировавших дружбу советских народов, в великой правде нашей социалистической действительности. Вот это и должны были отразить писатели в своих произведениях.

Жизнь требует, чтобы наши прозаики и поэты постоянно общались с народом. Никакой талант, никакой поэтический дар не могут выручить писателя, если он не участвует в жизни своего народа.

Основной недостаток повести Г. Мустафина «Шиганак Берсиев» кроется в том, что автор не изучил, не понял до конца нашей социалистической жизни. Мировую славу Берсиева он увидел в том, что знаменитый просовод заменил деревянный чигирь металлическим насосом. Этим Мустафин не возвеличил, а умалил Берсиева. Автор не раскрыл секрет величия своего героя, заключенный в новаторском патриотическом труде. Следует указать, что талантливый писатель сделал правильные выводы из той критики, которой подверглась его повесть. Это помогло ему избежать подобных ошибок в новой повести «Миллионер».

Казахстан достиг больших успехов во всех областях народного хозяйства. В республике выросли тысячи, десятки тысяч новых героев послевоенной сталинской пятилетки. Достаточно указать, что только в 1947 году более двухсот передовиков сельского хозяйства получили звание Героя Социалистического Труда. Это историческое событие в жизни нашего народа достойно в первую очередь найти отображение в художественной литературе. А, между тем, крупный поэт Г. Орманов написал на эту благодарную, значительную тему низкопробные, скверные стихи. Спрашивается, что получилось бы, если бы передовые люди наших колхозов допустили небрежность в выращивании культур и их участки походили бы на стихи Г. Орманова? Разумеется, эти люди не могли бы удостоиться присвоенного им высокого звания. Почему же человек, удостоенный высокого звания советского поэта, разрешает себе писать плохие стихи? Очевидно, это произошло потому, что Г. Орманов оторван от жизни, от своего народа.

Вторая серьезная причина низкого идейно-художественного уровня произведений — недостаточное образование многих писателей Казахстана. Современный писатель должен быть человеком большой культуры. Этого, к сожалению, нельзя сказать о многих наших литераторах. Некоторые из них пишут уже 10—15 лет, но до сих пор не имеют высшего образования, с трудом говорят и читают по-русски. К таким писателям можно отнести А. Абишева, К. Абдукадырова и других.

Есть у нас немало прозаиков и поэтов, которые почему-то перестали писать. За последние годы Г. Мусрепов выпустил только одно значительное произведение— повесть «Казах-батыры». Молчат такие поэты, как А. Токмагамбетов и Т. Жароков.

Не лучше обстоит дело и с драматургией. Написанные на современные темы пьесы: «Шолпан Кыз» Акынжанова, «Дала Жулдузы» Хусаинова, «Арбасу» Джумалиева и Сарсенбаева и другие, принятые Управлением по делам искусств к постановке, отличаются очень низким идейно-художественным уровнем.

ЦК КП(б) Казахстана особо отметил исключительную слабость литературной критики, не отвечающей возросшим требованиям современной казахской литературы. Творчество наших писателей еще ни разу не подвергалось серьезному критическому анализу, критики ограничивают свою деятельность краткими рецензиями на то или иное произведение.

Наличие крупных недостатков в казахской советской литературе связано с серьезными организационными неполадками в работе казахского Союза советских писателей. Союз писателей неудовлетворительно осуществляет руководство и контроль за творческой деятельностью литераторов. Это и привело к тому, что в республике мало появляется произведений на актуальные темы современности. Плохо поставлена работа с литературной молодежью, а также с прозаиками и поэтами, работающими на периферии.

Необходима коренная перестройка работы Союза писателей, изменение метода руководства творческой деятельностью каждого литератора.

Союз советских писателей должен уделять особое внимание выращиванию и выдвижению наиболее талантливых писателей. Им надо помочь советами, здоровой критикой их недостатков. В этом большую роль должны сыграть наши ведущие писатели. Постоянным примером должна быть для них та огромная работа, которую проводил с молодежью А. М. Горький.

ЦК КП(б) Казахстана обязал президиум Союза писателей изжить все указанные недостатки и мобилизовать писателей Казахстана на создание фундаментальных, высокоидейных, художественных произведений, воспитывающих советский народ в духе патриотизма и любви к Родине, вдохновляющих строителей послевоенной сталинской пятилетки на творческий созидательный труд.

«Важнейшей задачей писателей и поэтов республики, — говорится в постановлении, — ЦК КП(б) Казахстана считает правильный выбор тем и отображение в своих произведениях того небывалого революционного скачка, характерного для развития экономики и культуры Советского Казахстана, который явился результатом правильного осуществления ленинско-сталинской национальной политики большевистской партии».

Василий Иванович Качалов

БЕССМЕРТНЫЙ ТАЛАНТ

Умер великий артист из поколения созидателей Московского Художественного театра. Умер Качалов, подлинный любимец народа.

Качалов сыграл на сцене Художественного театра Гамлета и Чацкого, Бранда и Юлия Цезаря, Тузенбаха, Трофимова и Тригорина, Барона в «На дне» и Захара Бардина в пьесе «Враги». С поразительной глубиной и силой он воплощал лучшие образы русской и мировой драматургии. Он донес до народа образы Чехова и Горького, сумел показать богатырский дух русского крестьянина-патриота Вершинина в пьесе Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69». Только Качалов мог с такой проникновенной глубиной и мудростью художника вести рассказ «от автора» в «Воскресении» Льва Толстого. Стихи Пушкина, Лермонтова, Блока, Маяковского и Багрицкого звучали в устах Качалова, и едва ли кто-либо иной мог с такой убежденностью передавать мысль поэта, его заветы человечеству.

Этот великий и обаятельный актер и в жизни был добр, прост и отзывчив. Рассказывают о его любви к молодежи, вспоминают удивительную скромность и деликатность Качалова, говорят о светлом чувстве товарищества, которое было у этого человека. Он показывал пример, как надо служить искусству, — беззаветно, самоотверженно и благородно. В дни Великой Отечественной войны он приходил к раненым солдатам и офицерам; сердечны и трогательны были его беседы с людьми, а его искусство — поистине целительным.

Он любил писателей, поэтов, драматургов. Они отвечали ему такой же теплой любовью и уважением. Когда-то Горький писал о том, какими бывают великие люди наедине с собой. Однажды случилось увидеть Качалова в одиночестве, на прогулке. Это было в Барвихе, в подмосковном санатории, в ранний утренний час. Еще не рассеялся туман над прудом, пели птицы,легкий ветерок шумел в вершинах сосен. Стояла торжественная тишина, и вдруг в этой тишине послышался знакомый, неповторимый голос, который можно было узнать из тысячи. На берегу пруда

возник силуэт Василия Ивановича. Он шел и читал вслух монолог Сальери Пушкина.

«Родился я с любовью к искусству»,— донеслось до нас. Это звучало с глубокой искренностью и силой. Это была правда,— он, Качалов, родился с любовью к искусству, и любовь эта гармонически сочеталась в нем с любовью к родному народу, которому служил его редкий, обаятельный и мудрый талант.

Л. НИКУЛИН

ГОЛОС КАЧАЛОВА

Затих и погас необычайный голос — голос, которым наслаждался русский театральный зритель на протяжении почти полувека.

Звук затихает, гаснет, но память сохраняет его во всем обаянии, во всей глубине и силе, во всех оттенках его переливов.

Музыка голоса была высшим выражением самой основы колоссального артистического дара Качалова — его всеоб'емлющей музыкальности. Эта музыкальность как бы охватывала собой каждое отдельное качество Качалова-артиста. Он преодолел мешающие нередко и большим актерам разрывы между составными частями художественного образа — жестом и мимикой, телом и душевным движением, темпераментом и бытовой подлинностью.

Он был артистом гармонии. В нем все звучало. Его пластика как бы продолжала звук его голоса. Он сам был музыкой — так неисчислимы, так гибки, так содержательны были нюансы его покоряющего «качаловского» артистизма.

Есть композиторы, творческий диапазон которых вмещает самые разнородные начала: бравурность, пафос, игривость, лирику, траур. С одинаковой властью они заставляют слушателя грустить и смеяться, с одинаковым порывом поднимают его дух и низвергают.

Качалов знал эту власть над зрителем, я бы сказал, — над слушателем его «музыки».

В списке сыгранных им ролей (поражающем вовсе не количеством: для полувекового пути актера он сыграл их не так уж много) есть несколько совершенно полярных. Качалов — Бранд. Качалов — партизан Вершинин. Он — чтец, реалистический комментатор, ведущий на сцене, словно за автора — Льва Толстого — его роман «Воскресение». Он — гамсуновский Пер-Баст. Он — горьковский босяк — Барон.

Только обладая совершенной музыкальностью всей своей природы, артист мог перевоплощаться в диапазоне такой огромной протяженности.

Качалов начинал в Петербурге, Саратове, Казани как артист «эффектной театральности» (пишет его биограф). Приход в Художественный театр сделал его тем великим реалистом, каким мы его знаем.

Простота неподдельной жизненности, которую художественники сделали ключом своего сценического искусства, показала нам истинный рост Качалова. Артист распрямился в стенах Художественного театра, в то время как сам театр возрос до той высоты, на которую поставлена им наша сцена. Понятие «Художественный театр» включило в себя понятие «Качалов».

Больше половины своей артистической жизни Качалов провел на советской сцене. Советский зритель любил его горячо.

Качаловым не только любовались. Его именно любили. У него учились не только его мастерству. У него учились его высоконравственному отношению к своему делу художника и гражданина.

Он щедро отплатил нам за любовь к нему своим вдохновением, своим трудом.

Великий актер ушел. Но мы слышим его необычайный голос. Голос Качалова. Голос искусства.

Конст. ФЕДИН

Памятью сердца

Горько думать, что Московский Художественный театр отпразднует свой 50-летний юбилей без Василия Ивановича Качалова, отдавшего этому великому театру 48 лет жизни, 48 лет редкого сценического совершенства.

Несколько поколений перевидало Качалова на сцене. Люди моего возраста знали его молодым.

С каким душевным трепетом подходили мы к невысокому зеленоватому зданию театра с чайкой у входа. Двухэтажное, оно казалось нам величественным.

Удивительное дело! И сейчас, среди многоэтажных домов новой Москвы, оно кажется таким же.

С каким волнением говорили мы: «Сегодня увидим Качалова». С тем же трепетом повторяли эти слова молодые девушки и юноши, стоявшие за билетами у кассы театра совсем недавно.

Качалов был гордостью русской сцены. Он был гордостью сцены советской. Верность классическим традициям сочеталась в нем с чувством нового. Качалов носил в себе целый мир образов. Он был творчески счастлив своим богатством и делал счастливыми нас, своих зрителей и слушателей.

Мы запомним Качалова памятью сердца. Той самой сокровенной его частью, где храним все возвышенное и прекрасное.

Вера ИНБЕР

Тяжелая утрата

Было время, когда казахские писатели и актеры только начинали создавать свой театр. И как вдохновляющий пример перед нами стояли образы — творения лучших актеров Художественного театра—и, прежде всего, образы качаловские.

Василий Иванович Качалов — актер, в чьем исполнении любая роль раскрывалась необыкновенно глубоко и разносторонне, и вместе с его трактовкой образа менялась и по-новому освещалась вся пьеса.

Если театр не может существовать без высокой драматургии, то сама драматургия не может расти без таких могучих талантов, как Василий Иванович Качалов.

Качалов в самой высокой степени обладал умением, по словам К. С. Станиславского, изображать «жизнь человеческого духа». Правдиво передать характеры, донести их в образно-богатом языке могут только актеры качаловского стиля.

Качалов был учителем не только русских актеров, но и всех лучших актеров нашей Родины, всех национальных театров. Не только актеры, но и казахские драматурги учились на его творчестве пониманию человеческих характеров. Как часто я ловил себя на том, что за рукописью вспоминаю свои посещения Художественного театра и монументальные образы — создания большого и многогранного художника Качалова. Совершенное исполнение Качалова — это его совершенное понимание образа героя; глядя на великого актера, я всегда вспоминал наш молодой казахский театр. Наши лучшие актеры Калибек Куанышпаев, Серке Кожамкулов, Айманов, Букеева овладевали подлинным реалистическим искусством, следуя замечательным традициям МХАТ. Они нередко говорили мне, что Московский Художественный театр и Качалов были их университетом.

Смерть Василия Ивановича Качалова— тяжелая утрата для всей советской культуры. Казахский народ навсегда сохранит в памяти этого великого художника.

Мухтар АУЭЗОВ

А. ТВАРДОВСКИЙ

Албанские записи

2. Деревня Братай

С белой, горячей, шуршащей жесткой щебенкой большой дороги, то вырубленной уступом в почти отвесных горных склонах, то пересекавшей долины, ровные, как поверхность озер, машина свернула вправо. Теперь мы ехали по дороге, которая была вдвое уже прежней, и раз'ехаться со встречной машиной здесь было бы попросту невозможно. Впрочем, трудно было и предположить, что нам может повстречаться машина: дорога была очень мало наезжена; должно быть, по ней редко проходили даже сельские двуколки; она даже затравянела, затравянела, конечно, не так, как какой-нибудь наш старый проселок, но все же на ее каменистом грунте отчетливо обозначались две прерывистые полоски низкорослой колючей травки.

Но и здесь, на одном из открытых поворотов, я заметил глубоко внизу, метрах в пяти—десяти ниже дороги, ржавый, измятый остов обгорелой машины, как-то зацепившийся там за каменные торчаки крутого, как стенка, обрыва. Действия партизан вынуждали итальянцев и немцев выдвигать глубоко в горы свой боевой транспорт, где он подрывался на минах, подвергался обстрелу из засад, застревал на непроезжих участках полудорог, полутропинок, подобных той, по которой теперь пробиралась наша маленькая машина, едва ли не первая в этих местах после войны.

В километре с небольшим от деревни Братай, куда мы держали путь, машина опять остановилась, и опять шофер Коля заявил, что эта неприятность входила в его предположения, но он уже не уверял нас, что через две минуты все будет в порядке.

Мы пожелали ему успеха в ремонте и направились в Братай пешком.

Нас было четверо: секретарь местного партийного комитета Бекир Юсуфови, красивый человек лет тридцати, с прямым тонким носом и большими карими, умными и немного печальными, как почти у всех албанцев, глазами; поэт, секретарь Союза албанских писателей Шевкет Мусарай, очень сухощавый, много курящий человек лет за сорок; совсем молодой рослый парень, переводчик Фикари и я. Фикари был старейшим из моих новых албанских друзей. Еще в Тиране, в день прибытия советской делегации на конгресс албано-советской дружбы, при первой встрече выяснилось, что Фикари, студент Свердловского университета, прошедшей весной видел меня на университетском литературном вечере. Этого было достаточно, чтобы нам здесь, на албанской земле, встретиться, как старым приятелям.

Какой отрадной предвечерней свежестью охватило нас в тени от гор после душной машины, еще как бы сохранявшей полуденный жар Валоны!

О дневной духоте напоминали только цикады, еще стрекотавшие в кустах, но уже не с той однообразной, металлической резкостью. Мы были довольно высоко в горах, хотя никто точно не мог сказать, сколько это метров над уровнем моря, и вечер своей прохладой, запахом свежеющей пыли прямо-таки напоминал наши деревенские вечера. Вместе с тем он был полон и своих особых примет — звуков, красок и запахов.

Деревня Братай лепилась по широкому склону от подножья большой черной горы до ущелья, на дне которого тихо, но явственно шумела река. Деревня была еще освещена заходящим солнцем — лучи его тянулись высоко над нашими головами, над затененной горным выступом дорогой. Нежно и грустно звякали жестяные колокольцы деревенского стада, неторопливо спускавшегося с гор к деревне. Пахло дымом, но не дымом от березовых или еловых головешек, а каким-то непривычным душистым дымком от горных древесных пород. И еще пахло чем-то почти знакомым, с'едобным — это был запах кукурузного хлеба, выпекаемого на улице, в куполообразных глиняных печурках. Мы были уже почти на околице деревни.

— Братай, Братай, — тихо, как бы про себя, сказал Бекир Юсуфови. Он был родом из этих мест, здесь ходил в партизанах, и, должно быть, это тихо повторенное название деревни по-особенному отзывалось в его душе.

— Смерть фашизму! — услыхал я вдруг и чуть не вздрогнул.

Эти слова громко сказал, обращаясь к нам, внезапно спустившийся из кустов на дорогу пожилой албанец в тяжелых домотканных суконных штанах, застегнутых у икр на пуговицы, в суконной жилетке и такой же куртке, небрежно вскинутой на левое плечо.

— Свобода народу! — быстро отозвался Бекир и протянул ему руку.

Я уже знал эти слова по-албански, этот пароль и отзыв партизанского времени.

— Ту нят ета, ту нят ета! — приветствовал нас горец, что означает: «здравствуйте», или совсем дословно: «живите долго». Это был пастух, он уже давно видел нас сверху и спустился, чтобы первым встретить гостей у входа в деревню.

Он пожал протянутую Бекиром руку, и затем они быстро приложились щекой к щеке, слева и справа. И, не разнимая рук и приблизившись лицами, они тихо, с выражением большой участливости друг к другу, поговорили о чем-то. Бекир представил всех нас первому из жителей деревни.

Фикари прервал слова пастуха:

— Он очень рад, что первым приветствует дорогих гостей деревни Братай.

Он проводил нас до первых домов деревни. Там стояли человек десять мужчин, опираясь на длинные гладкие рукояти мотыг — они только что пришли с поля. Национальные, домашнего изделия шаровары, жилеты, пояса и шапочки сочетались с бледносерым сукном трофейных френчей, с городскими летними безрукавками и джемперами на молниях. Только на ногах преобладала самодельная обувь, наподобие мокассин или русских крестьянских чуней.

Несколько поодаль стояли две женщины с прялками в руках—албанки не расстаются с ними не только дома, но и в дороге. Лица их не были закрыты, что для мусульманской местности являлось отчасти вольностью. Одна из них, которая была постарше, курила толстую самокрутку.

Все поздоровались с нами за руку с непринужденной и вместе истовой вежливостью и достоинством. Со многими из них, в том числе с пожилой женщиной, Бекир поздоровался, как и с пастухом,—по-родственному. Старший по виду из мужчин в белой суконной куртке сказал:

— Мы давно знаем и любим Советский Союз, но впервые видим в нашей деревне советского человека, жителя города Москвы, мы очень довольны.

С этими словами он приложил руку к груди и слегка наклонил голову; то же самое сделали все стоявшие в кругу, причем каждый перехватил мотыгу в левую руку и чуть-чуть отнес ее в сторону. Это было красиво и походило на некий воинский знак приветствия. И во всей осанке этих людей, в согласной гибкости каждого движения сказывался воинственный дух и многовековый воинский опыт народа, много боровшегося за свою свободу.

Фикари перевел мой ответ на приветствие, и вновь со сдержанной истовостью качнулся круг мужчин, и я еще раз услышал, что хозяева очень довольны оказанной им честью, и еще раз попросил Фикари передать мою благодарность за честь, оказанную мне такой радушной встречей.

Конечно, во всем этом обмене любезностями порядочно было церемонности, обязательности обряда. Но, видя лица моих хозяев, угадывая за сдержанностью и принятой церемонностью обращения искреннейшее радушие, я чувствовал нешуточную значительность момента, и, конечно, сам был взволнован непредвиденной огромностью моего представительства. Я был первым советским человеком, которого видели эти люди. Они смотрели на меня с жадным, но уважительным и любовным вниманием.

Мы прошли всей толпой по улице деревни, где много домов стояло с выгоревшими оконными переплетами, без крыш или были вовсе разрушены. На выбитой козами каменистой площадке, выше здания школы, ничем, впрочем, не отличавшегося от других деревенских домов, был разостлан коврик для гостей, а хозяева уселись вокруг.

И вот здесь, в глубине малоизвестной нам даже по книгам горной страны, в албанской деревне, несмотря на крайнюю непохожесть обстановки, мы вели беседу, какая могла бы происходить где-нибудь в белорусском или смоленском селе после освобождения от оккупантов.

Эта деревня была одним из тех мест, где оккупанты не могли удержаться на длительный срок. Партизаны их изгоняли, и жизнь шла здесь по своим партизанским законам, подобно тому, как в некоторых наших районах, где-нибудь на Витебщине, задолго до полного освобождения края войсками армии, восстанавливалась советская власть, действовали ее законы и учреждения. От времени до времени итальянцы, а затем немцы выдвигали в горы войска с артиллерией, танками, бросали авиацию, и тогда вся деревня с женщинами, стариками и детьми уходила дальше в горы. Покамест мужчины воевали, их семьи ютились в заносимых горными метелями землянках и пещерах. Деревня много раз подвергалась артиллерийским обстрелам и ударам с воздуха. Строения, сложенные, как я заметил, из камня на простой глине вместо цемента или известки, так же легко было разрушить, как легко сжечь избы и сараи какой-либо нашей лесной деревушки. Оккупанты угоняли скот, забирали все, что могли забрать в покинутом жителями селении. Жизнь в Братай еще и сейчас бедная и скудная. Ее нельзя сравнить с жизнью наших колхозных сел, хотя бы разрушенных и сожженных до основания: маленькое и молодое албанское государство не могло оказать даже наиболее пострадавшим от войны районам такой помощи, какая была оказана советским государством жителям мест, пострадавших от немцев. Но я во время беседы, касавшейся многих житейских дел, не услышал ни одной жалобы на эту жизнь.

— Мы имеем теперь землю, и мы — свободные люди, — говорили наши хозяева. — Погодите, мы будем жить хорошо. Энвер был в Москве у Сталина. Энвер сказал: Ты помог нам добыть свободу, помоги нам построить новую жизнь. Сталин сказал: Помогу. Спасибо Сталину, спасибо великому советскому народу!

И столько преданной веры, столько признательной любви к нашей Родине было в этих словах, в глазах, загоравшихся всякий раз, как речь касалась Советского Союза, Красной Армии, Сталина.

Всякий советский человек на моем месте испытал бы то же, что я при этой встрече, и так же затруднился бы передать в коротких и точных словах испытанные им чувства. Я не представлял себе, что в деревушке, куда, может быть, со времени войны еще ни одна машина не добиралась, в сердцах простых людей, так сказать, глубокой албанской провинции, живет такое отчетливое и ясное сознание зависимости своей победы над врагом от победы советского оружия и такая благородная признательность к нам за помощь в мирной жизни, такое трогательное почитание самого имени нашей страны.

Когда речь шла о разрушениях, учиненных в деревне карательными отрядами, была названа мечеть, и я, учитывая преобладание старших возрастов среди участников беседы, сказал, что, надо полагать, мечеть будет вновь отстроена. И прежде чем уяснил в словах переведенный мне ответ, я понял его по тому смеху, который вспыхнул среди правоверных.

— У нас есть гораздо большая забота: построить новую школу, а без мечети как-нибудь обойдемся.

Желая нарушить односторонний характер беседы, я попросил Фикари поблагодарить его соотечественников за все, что они рассказали о своей жизни, и узнать, нет ли у них вопросов ко мне. Мне казалось, что буду засыпан разнообразными вопросами. Но я не учел, что расспрашивать гостя о чем бы то ни было, особенно в первые часы знакомства, по обычаям

(Продолжение на 4-й стр.).

См. «Литературную газету» № 78.

Из зала Генеральной Ассамблеи

Поль Спаак — адвокат агрессоров

Поль Анри Спаак с молодых лет играет в социализм. В молодости с группой рьяных социалистов в широкополых шляпах он маршировал с красным флагом по улицам Брюсселя и даже собственноручно разбил стекла в редакции одной не угодной ему католической газеты.

Сейчас Спааку 48 лет. Он растолстел и обрюзг, как Черчилль, с которым, кстати сказать, имеет не только внешнее сходство. На дрожжах социалистической партии, известной предательством интересов международного рабочего движения, Спаак поднялся до поста премьер-министра и министра иностранных дел Бельгии. Он давно помирился с католиками, а по улицам Брюсселя теперь шныряют его полицейские, которые избивают и бросают в участки бельгийских студентов только за то, что последние протестуют против демонстрации гнусного антисоветского фильма «Железный занавес» и провозглашают лозунги, призывающие к дружбе с Советским Союзом.

На международных конференциях и на происходящей ныне Генеральной Ассамблее Спаак много разглагольствует о свободе и правах человека. Но, как видно, у себя дома, в Бельгии, премьер-министр привык осуществлять «свободу» посредством полицейских наручников и резиновых дубинок.

Внешнеполитический курс, взятый нынешним правительством Бельгии во главе со Спааком, полностью соответствует целям англо-американского блока. Спаак послушно исполняет все, что приказывают Бевин и Маршалл.

Не случайно Брюссель был избран местом для заключения агрессивной сделки пяти государств — Англии, Франции и стран Бенилюкса; ведь в Брюсселе есть Спаак, который постарается со своим обычным адвокатским красноречием облечь в красивые одежды «об'единенной Европы» или «европейского парламента» вновь созданный западный военный блок. И Спаак не пожалел сил, выполняя это поручение, являющееся не чем иным, как частью плана агрессоров. Спаак действовал заодно с Черчиллем, который успел уже провести специальный конгресс сторонников «об'единенной Европы».

Спаак не скупился на пышные, витиеватые фразы, чтобы замаскировать истинные цели блока пяти государств. Подписав брюссельский пакт, он помчался за океан, в Америку, чтобы, с одной стороны, еще раз засвидетельствовать свое почтение его величеству доллару, а с другой — заручиться поддержкой крестного американского дядюшки, хотя последний и без того уже поставил Бенилюкс на шахматную доску будущих авантюр.

Еще в прошлом году на Генеральной Ассамблее в Нью-Йорке Спаак высказал «теоретические соображения», согласно которым малым странам следует отказаться от своего государственного суверенитета. Спаак назвал суверенитет устаревшим, реакционным понятием и беззастенчиво предложил сдать суверенитет народов в архив, ибо он несовместим с политикой осуществления американских планов экспансии и мирового господства.

Немного позднее Спаак пошел дальше и заговорил конкретнее и смелее. Во время заокеанского путешествия, на пресс-конференции в Вашингтоне в апреле этого года в ответ на вопрос, проходит ли в настоящее время граница Соединенных Штатов в Европе, Спаак, не задумываясь, выпалил: «Я уверен в этом». Он мог бы не без оснований добавить, что США имеют свою границу и в Бельгийском Конго, где добывается, между прочим, уран, от перекачивания которого в США солидный куш перепадает и в карманы господина Спаака.

В настоящее время Спаак особенно рьяно пытается доказать, что блок пяти государств создан для целей обороны этих стран. Но кто угрожает, к примеру, Бельгии? Что заставило генеральные штабы пяти государств собраться в Париже на подозрительные секретные совещания? Не обсуждали же военные министры пяти государств планы уничтожения мухи «цеце» или проекты разведения земляных орехов, о чем так увлекательно говорил на Генеральной Ассамблее мистер Бевин под аплодисменты Спаака?

Однако, как бы ни жонглировал Спаак миролюбивыми фразами, ему не удастся обмануть бельгийский народ. О том, куда ведет Спаак Бельгию, писала недавно брюссельская газета: «Подписывая брюссельский пакт, Спаак толкнул Бельгию в лагерь сторонников войны».

В общих прениях на нынешней Ассамблее Спаак выступал почти последним. Его держали, так сказать, в резерве, чтобы иезуитскими устами приукрасить унылую речь Маршалла и дополнить грубые антисоветские выпады Бевина.

Поднявшись на трибуну, Спаак применил свои актерские навыки и драматически разыграл роль перепуганного буржуа. Чего же испугался г-н Спаак? Атомной бомбы? Нет, к атомному пугалу Спаак относится вполне равнодушно. Он, видите ли, боится Советского Союза и коммунизма. И Спаак понес такой бред о «красной опасности», что ему мог позавидовать даже сам Бевин. Маршалл, которого, как известно, природа не наделила особым даром слова, тут же публично поздравил Спаака за его провокационную речь.

Сейчас Спаак подвизается на посту председателя первого политического комитета Генеральной Ассамблеи. В первом комитете будут обсуждаться важнейшие политические вопросы—об атомной энергии, предложения СССР о сокращении вооружений, вопрос об итальянских колониях, о приеме новых членов в ООН, корейский вопрос и другие. Именно поэтому в председательское кресло посадили Спаака, этого мастера юридической казуистики и крючкотворства. Свои способности в этом отношении он полностью проявил на первом же заседании 29 сентября, когда приложил все старания, чтобы расположить вопросы повестки дня в порядке, выгодном англо-американскому большинству.

На том же заседании произошел характерный случай. Американский представитель Остин настойчиво пытался оттереть на задний план вопрос об итальянских колониях. Он не соглашался даже на то, чтобы этот вопрос был шестым в повестке дня, опасаясь, что обсуждение проблемы итальянских колоний совпадет с президентскими выборами в США и может представить американскую дипломатию в невыгодном свете перед избирателями итальянского происхождения. Тогда выступил Спаак. Он заверил Остина, что раньше, чем через полтора месяца, об итальянских колониях не может быть и речи. Остин успокоился.

Так лавирует и изощряется бельгийский премьер-министр в угоду своим покровителям. О том, кому он служит, поведал миру сам Спаак в речи на Генеральной Ассамблее 28 сентября. Пропев дифирамбы «плану Маршалла» и предсказав, что европейская цивилизация невозможна без американской тушонки, он заявил, что его, наверное, «будут называть продавшимся Уолл-стриту и лакеем американского империализма». Не будем возражать господину Спааку. Напомним ему лишь русскую поговорку: «На воре—шапка горит».

Г. ПЕТРОВ

ПАРИЖ, 1 октября. (По телеграфу).

Письма зарубежных читателей

Еще о „третьем пути" Фагерхольма

Помещенная в № 64 «Литературной газеты» от 11 августа статья «Третий путь» Фагерхольма» вызвала широкий отклик в финской и шведской прессе и среди зарубежных читателей. Печатаемое нами письмо, автор которого называет себя простым человеком из народа, свидетельствует о том, что содержание нашей статьи встречено с одобрением широкими массами трудящихся Финляндии.

Весьма ясно характеризует нынешнее внутриполитическое положение Финляндии тот факт, что автор письма убедительно просит не разглашать его фамилии в печати и воспользоваться предложенным им псевдонимом.

Вам пишет простой человек из народа. Здесь, в Финляндии «третьего пути» Фагерхольма, мы переживаем очень мрачный период. Я решил написать вам сейчас, так как через некоторое время это, несомненно, будет почти невозможно из-за еще большего усиления цензуры.

Хочу сердечно поблагодарить вас, друзья, за помещенную в вашей газете статью «Третий путь» Фагерхольма», с содержанием которой я на-днях ознакомился здесь. Именно такие статьи помогают нам, ибо они говорят о том, как советская общественность оценивает развитие событий в Финляндии.

Я и многие товарищи, с которыми мне приходилось беседовать по этому вопросу, пришли к заключению, что если бы в мирном договоре не было пунктов, гарантирующих нам, финляндским народным демократам, свободу деятельности, то мы уже очутились бы в тюрьме.

Фагерхольм и его сторонники связали свою судьбу с судьбой финляндских крупных капиталистов и их зарубежных покровителей. Ведь без помощи и поддержки этих кругов эти господа не сидели бы теперь в правительстве и не хвастали бы перед народом мнимыми заслугами, которые они якобы имеют как «борцы за дело трудящихся».

Сегодняшняя действительность в Финляндии совершенно противоположна всем стремлениям народных демократов. Сохранившаяся по сей день реакционная клика продолжает мечтать об установлении фашистского режима в Финляндии и о том, чтобы забраться в средневековые замки, а большинству народа предоставить лагери с колючей проволокой.

Реакционные силы ведут сейчас агитацию по всей стране. Достаточно сказать, что даже в школах у нас преподают, главным образом, учителя, отличающиеся вполне «фундаментальными» реакционными взглядами. Те немногие лица, которые мыслят иначе, вынуждены сейчас скрывать свои симпатии к народным демократам; и все равно они подвергаются диким гонениям со стороны современных лапуасцев.

Как мы видим, воспитание молодого поколения мало чем отличается от того, каким оно было и до войны, и во время войны: иначе говоря, от того, каким оно было в период господства в Финляндии махровых реакционеров и союзников Гитлера. Такой же примерно дух царит и в учреждениях. «Козел оставлен сторожить огород», — чиновники-фашисты как ни в чем не бывало пребывают на прежних постах. Все это заставляет меня сомневаться даже в том, выполнит ли нынешнее правительство требования мирного договора. Ведь фашисты-таннеровцы всегда делали все возможное, чтобы не допустить увольнения чиновников, враждебно настроенных по отношению к СССР.

Все это меня очень беспокоит, и я много думаю над этими проблемами.

Между Советским Союзом и нашей страной заключен договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, одобрению которого сторонники Фагерхольма всячески старались сопротивляться и подписание которого они изо всех сил тормозили. Но в результате об'единения своих усилий демократический лагерь Финляндии добился подписания договора. Это было большим огорчением для господ, придерживающихся «третьего пути». Что касается трудового народа Финляндии, то для него этот договор является источником уверенности и надежды. Мне хотелось бы, чтобы демократы в борьбе с фашизмом действовали столь же активно, как они действовали, когда добивались заключения договора с СССР. Ибо фашизм укрепляет свои позиции в Финляндии и вновь пытается предать наш народ. Он получает инструкции из-за рубежа и усиленно старается втянуть Финляндию в число участников «плана Маршалла». Короче говоря, реакционеры поют невинные песни о мире, дружбе, но в действительности готовят почву для новой войны.

В создавшейся обстановке для меня особенно ясно, что, лишь самоотверженно борясь за подлинную победу демократии и за точное, не на словах, а на деле выполнение советско-финляндского договора, мы, рабочие Финляндии, сможем уничтожить в корне угрозу возрождени.. фашизма в нашей стране.

Я верю вам, дорогие товарищи, верю потому, что Советский Союз неизменно ведет благородную миролюбивую политику и искренне стремится к поддержанию добрососедских, дружественных отношений с моей страной и моим народом.

С сердечным товарищеским приветом

КАНСАНМИЕС.

ФИНЛЯНДИЯ.

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ХОДКИЙ ТОВАР

Американские бизнесмены ныне в состоянии заняться не только калькуляцией стоимости человека, но и отдельных его органов. В частности, сейчас в связи с успехами хирургии ходким товаром в США является живой человеческий глаз. И спрос—даже столь чудовищный — рождает предложение.

Как сообщает «Драпо руж», некий Виктор Сенсир из города Акрон предложил продать свой глаз фермеру Перкину за 10 тысяч долларов. Деньги ему нужны на прокормление семерых детей.

Тридцативосьмилетний шофер Фризе из штата Индиана также предлагает купить у него глаз. Деньги ему необходимы для лечения больной жены, срочно нуждающейся в операции, и для уплаты долгов.

Плотник Кайр, тридцати шести лет, из штата Род-Айленд, готов продать свой глаз, чтобы хоть на время совладать с нуждой.

ЛЕЙБОРИСТЫ НА СТРАЖЕ МНОГОЖЕНСТВА

Английское министерство колоний получило жалобу на бесчинства и произвол царька племени Биком в Британском Камеруне. В жалобе указывалось, что царек, не удовлетворяясь гаремом из 600 жен, насильно вербует новых наложниц из числа своих малолетних подданных. Но министр колоний лейборист Крич-Джонс выступил с ярой защитой этого «державного развратника», заявив, что «факты не соответствуют действительности», так как у царька якобы всего 110 жен и из них пока только одна — малолетняя.

КАЖДЫЕ ПЯТЬ МИНУТ — УБИЙСТВО

По данным американского института криминологии, в Лос-Анжелосе каждые пять минут семь секунд происходит убийство.

По следам выступлений «Литературной газеты»

„Без любви и вдохновения"

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Комиссия по критике и литературоведению Ленинградского отделения Союза советских писателей обсудила работу критического отдела журнала «Звезда» в связи с опубликованием в «Литературной газете» статьи А. Никольской «Без любви и вдохновения» (№ 75). Участники обсуждения признали статью справедливой и согласились с выводом, что журнал «Звезда» ведет свой критический отдел беспартийно, аполитично.

На собрании ленинградских критиков и литературоведов с докладом выступила заведующая критическим отделом «Звезды» Р. Мессер. Все ожидали, что т. Мессер попытается самокритически проанализировать работу руководимого ею отдела, вынесет на обсуждение конкретный план его перестройки. Но, к сожалению, т. Мессер пошла по иному пути.

Предупредив участников собрания, что они услышат не доклад, а... размышления, Р. Мессер принялась перечислять «об'ективные причины» и «об'ективные обстоятельства», которые, якобы, помешали плодотворной деятельности критического отдела. Р. Мессер огульно обвинила всех ленинградских литературоведов в том, что они остаются эпигонами Веселовского и сторонниками всяческих формалистических «школок». Поэтому, якобы, отдел критики не смог организовать статьи, разоблачающие сторонников враждебной методологии в литературе.

Удивление собрания вызвали и «размышления» заведующей критическим отделом «Звезды» по поводу печатающихся в журнале «обтекаемых рецензий». Оказывается, что в этом повинны не авторы рецензий и не руководитель критического отдела, а некие неизвестные работники редакционного аппарата, которые, не желая обижать писателей, бесцеремонно меняют оценки! Р. Мессер горько жаловалась на то, что ее статья о сборнике А. Гитовича «Стихи военного корреспондента» приведена «Литературной газетой» в качестве примера «уклончивой критики». Между тем, как заявила заведующая критическим отделом, она отрицательно оценила этот сборник, а похвалы, которые содержатся в рецензии, таинственным образом и неизвестно кем дописаны (?!).

Как бы ни были многословны «размышления» Р. Мессер об «об'ективных причинах», она не могла опровергнуть основного: критический отдел «Звезды» не удовлетворяет читателей и писательскую общественность. Тем не менее, заведующая критическим отделом, отчетливо демонстрируя свою нетерпимость к критике, большое место в своих «размышлениях» отвела полемике с автором обзора, опубликованного «Литературной газетой». Р. Мессер заявила, что обзор этот необ'ективен и несправедлив. Обосновывая свои убеждения, она привела такой парадоксальный довод: «Наши недостатки серьезнее и глубже, чем это считает «Литературная газета»...

Затем выступил главный редактор «Звезды» В. Друзин. В отличие от Р. Мессер он сказал, что работа критического отдела журнала подтверждает основные положения статьи в «Литературной газете». В. Друзин правильно поставил вопрос о необходимости создания вокруг редакции крепкого ядра критиков и литературоведов, способных содействовать решительной перестройке критического отдела.

О нетребовательности, которая существует в критическом отделе, резко говорил заместитель председателя ЛенССП и член редколлегии «Звезды» Ю. Герман. Он привел множество примеров штампов, бездоказательных, беспринципных оценок.

На собрании выступили также И. Серман, Г. Макогоненко, проф. Г. Гуковский, Т. Трифонова, проф. Л. Плоткин и др. Почти все выступавшие усмотрели в докладе т. Мессер стремление завуалировать действительные причины резкого спада в работе критического отдела.

Выступавшие отмечали, что после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «Звезда» сумела об'единить вокруг себя лучшие литературоведческие и критические силы, и поэтому критический отдел журнала завоевал заслуженный авторитет в широких кругах читателей. Однако в текущем году критический отдел «Звезды» перестал быть организующим и направляющим центром. Строя свою деятельность на «самотеке», на «обработанных стенограммах», он не проявляет никакой творческой инициативы, не направляет критиков и литературоведов на решение актуальных задач, стоящих перед нашей литературой.

Участники обсуждения выдвинули ряд тем, которые, по их мнению, должны найти освещение на страницах «Звезды». Комиссия по критике и литературоведению совместно с редакцией журнала разрабогает конкретный план участия критиков и литературоведов в работе журнала «Звезда».

„Декларации и дела одной комиссии"

В связи со статьей Вл. Бахметьева «Декларации и дела одной комиссии» — о деятельности комиссии по работе с молодыми авторами Союза советских писателей СССР, напечатанной в № 68 «Литературной газеты» от 25 августа 1948 года, президиум ССП Узбекистана проверил, как поставлена работа с начинающими писателями в республике.

Проверка показала, что газета своевременно подняла вопрос о работе с начинающими авторами. Комиссия Союза советских писателей Узбекистана в основном ограничивает свою деятельность пределами Ташкента и оставляет молодых авторов, живущих на периферии, без систематического руководства и помощи. Но даже и в Ташкенте работа с молодыми писателями находится на недостаточно высоком уровне. За последний год значительно снизилось качество внутренних рецензий на творчество начинающих авторов. Недостаточно квалифицированны письменные консультации поэтов В. Мильчакова и В. Липкина. Вместо подробных отзывов консультанты ограничиваются не вполне грамотными отписками, которые ничем не могут помочь авторам рецензируемых произведений.

Президиум ССП Узбекистана принял ряд конкретных мер по улучшению работы с молодыми авторами.

Члены проверочной комиссии президиума ССП Узбекистана:

С. СОМОВА, М. ИСМАИЛИ, МИРТЕМИР.

СЕРЬЕЗНАЯ УГРОЗА ДЕЛУ КНИГОТОРГОВЛИ

В июле этого года Совет Министров СССР принял решение о развертывании книжной торговли в стране. Местные организации обязаны этим решением оказывать всемерную помощь Когизу и, в частности, предоставлять необходимые ему помещения.

Это в особой мере относится к Москве, где расположены крупнейшие типографии и книжные базы страны. По сведениям Когиза, на складах московских типографий в настоящее время скопились горы книг: 4 миллиона экземпляров, более ста вагонов. Ввиду недостатка складских помещений большой, — государственного значения, — книжный конвейер работает с напряжением.

Между тем сейчас ему грозит неожиданная остановка.

22 сентября заместитель председателя исполкома Моссовета тов. Селиванов отдал распоряжение об из'ятии части основного книжного склада Когиза на Варшавском шоссе для нужд хозяйственных организаций. Нам кажется, что это распоряжение тов. Селиванова по существу противоречит указаниям правительства о развертывании книготорговли, ставит под угрозу работу московских типографий. Освобождение любого из этажей книжного склада возможно только при условии разгрузки книг на улицу.

Еще не поздно исправить положение. Мы думаем, что исполком Моссовета может найти резервную складскую площадь в городе, не нарушая регулярного снабжения книгой советских читателей.

Албанские записи

(Продолжение. Начало на 3-й стр.).

не только албанского, но и многих других народов, считается неприличным, невежливым. В ответ на мое предложение я услыхал еще раз слова о радости, которую доставил жителям деревни Братай своим приездом товарищ из Москвы.

— Впереди еще ночь и день, и столько дней и ночей, сколько гость пожелает у нас остаться.

Переведя последнюю фразу, Фикари добавил от себя:

— Будет большая обида, если вы не останетесь ночевать.

Я охотно согласился, поблагодарил хозяев и только сказал, что утром мы должны вернуться в Валону, где нас будут ждать члены советской делегации. После этого в кругу сидящих прошел какой-то легкий говорок, и старший обратился к Фикари.

— Они хотят петь и танцовать,— перевел мне Фикари. — Если желаете, то нужно пойти на другое место.

Мы перешли на другую площадку еще повыше, которая была выстелена каменными плитами, немного просевшими и перекосившимися от времени. Это был ток, где молотят хлеб, гоняя по кругу лошадей или мулов, и танцовальный круг одновременно, то, что у нас в деревнях называется пятачком. Пятачок этот помещался у подошвы каменного холма, может быть огромного цельного камня, скатившегося когда-то сюда с гор, заслоняющих деревню с юга. Уже совсем свечерело, и фигуры мужчин, взявшихся за руки и развернувшихся цепочкой, как это делается в коло, уже были подернуты легкой сумеречной тенью. Чего-то нехватало, чтобы начать действо. Бекир вышел из цепочки, подошел к ведущему, у которого правая рука была свободной (это был опять же албанец в белой куртке), и вот в этой руке у него развернулся каемчатый платочек. Я понял, что у людей, пришедших с работы в хожалой будничной одежде, не оказалось этого малого атрибута пляски. Мусарай, Фикари и я присели в сторонке. Ведущий откашлянулся, но еще не запел, а сказал, как бы в третий раз повторяя слова приветствия:

— Мы очень довольны, что нам оказана честь... Мы жалеем, что наши товарищи, павшие в боях за свободу, не присутствуют среди нас...

После этого он запел, и стало понятно, для чего он сказал последние слова: песня посвящалась памяти погибшего героя. Все подхватили и пошли цепочкой по кругу, притоптывая в каком-то необычном ритме, разворачиваясь в полоборота друг к другу. Напев, напоминающий, как мне показалось, напевы наших кавказских горцев, печальный и мужественный, звучал в незыблемой тишине вечера и ближним эхом отзывался в горах.

Шевкет Мусарай склонился над блокнотом, устроив его у себя на колене, и с ухваткой опытного собирателя стал записывать, несмотря на сумерки. Это было нетрудно, так как каждая строка песни повторялась не меньше трех раз, как мне пояснил Фикари. Вот дословный перевод песни:

— Когда создавалась наша партия, — баллисты* арестовали Лазе Нуро и посадили его в тюрьму. Но он и не подумал их бояться. «Я ненавижу врага», — сказал он, и все честные люди говорят так. Поэтому с нами победа.

Когда мне переводили строку за строкой эту песню, я не мог сразу уловить соответствия ее слов с особенностями исполнения. Что, например, означает это яростное притоптывание ногами при словах «и посадили его в тюрьму»? Оказывается, каждое колено пляски и большая или меньшая энергия ее ритма восполняют как бы недостающие в песне слова. «И посадили его в тюрьму, низкие души, будь они прокляты», — вот так, примерно, должна была звучать эта строка в исполнении, хотя произносилась только первая половина строки. Поэтому текст песни не может дать представления хотя бы о том, как долго она поется. А по-албански эта песня укладывается в восемь строчек правильного четырехстопного хорея, скрепленных одной сквозной рифмой.

— Кто такой Лазе Нуро? — потихоньку спросил я у Фикари, предполагая, что это известное в стране имя.

— Лазе Нуро — уроженец этой деревни. Он погиб в боях с оккупантами. Его память чтут здесь, а песня о нем — одна из любимых песен в Братай. Вот сын Лазе Нуро. Бари! — подозвал Фикари мальчика, худощавого, стройного, лет девяти. Он только что спустился сверху, с каменного холма, нависшего над площадкой. Там он сидел с другими ребятишками и смотрел и слушал, как поют песню о его отце, а приезжие быстро записывают ее в свои книжечки.

Всегда есть что-то милое и удивительно трогательное в том, как маленький человечек, ребенок, бойко говорит на неизвестном тебе языке. Дети в Братай, как всякие дети, не особенно придерживались принятых взрослыми канонических норм в обращении с гостем. Они стайкой сыпались вслед за мной, с нескрываемым любопытством разглядывая меня с ног до головы. Особенно их интересовали, как пояснил Фикари, моя украинская рубашка и летние универмаговские полуботинки. Никто из взрослых в соответствии с понятиями приличия не спросил о моем имени, профессии и цели приезда в Братай, но дети, быстро войдя в контакт с переводчиком, с настойчивостью потребовали ответа на все эти вопросы.

Я, со своей стороны, задал им обычные в разговоре с детьми вопросы: как кого зовут, сколько кому лет, кто кем хочет быть, когда вырастет.—Шофером, солдатом, милиционером, почтальоном, учителем — односложно и без колебаний отвечали ребята на последний вопрос. А один мальчик в трусиках, бахромками болтавшихся вокруг его ног, так же односложно и без колебаний сказал:

— Министром.

Мне даже показалось, что он при этом чуть пожал плечами, как бы добавляя к своему ответу слово «конечно».

— Министром, конечно.

Это вызвало восторженный одобрительный смех и детей и взрослых. Немногословный Бекир Юсуфови, обратясь ко мне с заблестевшими в темноте своими карими, красивыми глазами, горячо пояснял:

— Видите, он понимает, что в свободной демократической республике можно, родившись в Братай, стать министром. Министры служат народу, и они должны быть из народа. Хорошо, — заключил он по-русски.

— Шум мир!—очень хорошо!—подтвердил я, тронув мой крайне скудный запас албанских слов, приберегаемых для особых случаев. И мы все смеялись, охваченные внезапным приливом волнения и растроганности.

Поблагодарив исполнителей песни, я спросил: кто является автором ее слов.

— Селим Хасани,—ответили мне, и ответили так, что я счел неудобным показать, что это имя слышу впервые, и, кивнув головой, кое-как записал его в темноте.

— Нас просят зайти в дом,—сказал Фикари, и мы, сцепившись руками, один за другим стали спускаться по узкой тропинке к ближайшему из домов в деревне.

Должно быть, то, что в популярнейшей среди балканских народов пляске—коло—люди крепко берутся за руки, происходит из привычной предосторожности горцев: если один оступится, его удержат другие в цепочке. Но еще я заметил в Албании, что рукопожатия здесь долгие и крепкие, и не редкость увидеть, что двое албанцев—приятелей или просто добрых знакомых, поздоровавшись на улице или в дороге, долго стоят, не разнимая рук. А иной раз так и идут—рука в руке и беседуют...

Мы направились к дому, возле которого уже стояла наша машина.

Мы свернули в ворота, низкие своды которых подпирали второй, жилой этаж дома—нижний служил клетью и сараем. По лестничке из каменных плит, вроде высокого русского крылечка, мы поднялись на свет фонаря, предупредительно вынесенного навстречу, и очутились в мощенных теми же плитами маленьких сенях, у которых со стороны двора стены не было. Это место называется диваном. Стены дома и каменная плитняковая кровля сохраняют здесь тень в продолжение почти всего дня. Нас встретила хозяйка дома, вдова Шечере, женщина лет сорока пяти. Она поздоровалась с гостями за руку и, указав нам на открытую дверь той половины дома, где мы должны были расположиться, как все хозяйки мира, попросила извинить ей беспорядок в доме.

Время рабочее, она все время в поле, а дома никого нет: ее сын и дочь учатся в городе. Сын скоро будет офицером. Последнее пояснение должно было, очевидно, послужить некоторым оправданием запущенности в доме, но никакой запущенности, конечно, не было. Выдвигаемый нашими провожатыми вперед, я переступил порог комнаты, сплошь застеленной коврами, но лишенной какого бы то ни было подобия мебели. Я все как-то перезабыл из того, что приходилось читать или слышать об обычаях домов подобного рода, и не догадался оставить ботинки у порога, а когда сел в указанном мне углу, увидел, что все вступают в комнату в одних носках или босиком. Я быстро разулся, очень смущенный попыткой молодого албанца помочь мне в этом, и ботинки мои были водворены на положенное им место. Никто из присутствующих даже бровью не повел, чтобы показать, что заметил мою оплошность. Врожденная вежливость и тактичность были проявлены и во всех других случаях, когда я делал что-нибудь невпопад по незнанию, а Фикари забывал или, опять же из вежливости, не хотел предупредить меня.

В комнате сидело человек пятнадцать или более—все курили и молчали. Потолка не было, и дым поднимался к щелям тяжелой плитняковой кровли.

Наконец, ко мне обратился сидевший, как все, в носках, но в полной своей форме с красными погонами сельский милиционер.

— У него есть один вопрос.

— Пожалуйста,—обрадовался я.

— Он просит рассказать, как произошла Октябрьская революция,—перевел студент Свердловского университета, глядя на меня с таким участием, как будто я вытащил один из труднейших билетов на экзамене. Понятно, что мой ответ наполовину состоял из оговорок относительно того, что настоящее освещение этого величайшего исторического события потребовало бы много времени. Все слушали с глубоким вниманием, и я не мог вновь и вновь не почувствовать того, что я для них не просто агитатор, с помощью переводчика сообщающий им некоторые уже более или менее известные вещи, а живой, натуральный человек из Советского Союза, из Москвы, человек, который, может быть, своими глазами видел Сталина.

* Баллисты — буржуазные националисты, прислужники оккупантов.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60 02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 02686.